

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 4 (46), 2023

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2023

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 4 (46), 2023

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

Head editor: Teslina Olga Vladimirovna

Executive editor: Melikhova Natalia Vasilievna

EDITORIAL BOARD:

Dmitrieva Elizaveta Igorevna,
Candidate of Philological Sciences,
Ansimova Olga Konstantinovna,
Candidate of Philological Sciences,
Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology,
Madrakhimov Tulibay Abdugarimovich,
Candidate of Philological Sciences,
Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich,
Doctor of Philosophy in Pedagogical Sciences (PhD),
Popov Dmitriy Vladimirovich,
Doctor of Philological Sciences,
Sheremetyeva Anna Gennadevna,
Doctor of Philological Sciences,
Bobokalonov Ramazon Radzhabovich,
Doctor of Philological Sciences
Saifullaeva Rano Raupovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor
Yakubov Zhamaliddin Abduvalievich, Doctor of Philology
Ziyamukhamedov Zhasur Tashpulatovich,
Doctor of Philological Sciences
Kilicheva Feruza Beshimovna,
Candidate of Philological Sciences

EDITORIAL STAFF:

Novogradec Marina Jajic, PhD
Loseva-Bakhtiyarova Tanem Valerievna,
Candidate of Philological Sciences
Saidov Yakub Siddikovich, PhD in Philology
Artamonova Irina Valerievna,
Candidate of Philological Sciences

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.

Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G", office 312

E-mail: sciphilology@inbox.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: «Scientific survey» Ltd.

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 4 (46), 2023

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна
Ответственный редактор: Мелихова Наталья Васильевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дмитриева Елизавета Игоревна,
кандидат филологических наук,
Анимова Ольга Константиновна,
кандидат филологических наук,
Атаманова Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
Мадрахимов Тулибай Абдукаримович,
кандидат филологических наук,
Рахмонов Азизхон Боситхонович,
доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Попов Дмитрий Владимирович,
доктор филологических наук,
Шереметьева Анна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
Бобокалонов Рамазон Раджабович,
доктор филологических наук
Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук
Якубов Жамалиддин Абдувалиевич,
доктор филологических наук
Зиямухамедов Жасур Ташпулатович,
доктор филологических наук
Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Новоградец Марина Яйич,
доктор филологических наук
Лосева-Бахтиярова Танем
Валерьевна,
кандидат филологических наук
Саидов Якуб Сиддикович,
доктор филологических наук
Артамонова Ирина Валерьевна,
кандидат филологических наук

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312
E-mail: sciphilology@inbox.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

Sorokina R.A.

RULES OF LEXICAL COMPATIBILITY OF WORDS
(USING THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND ENGLISH) 6

Russian Literature

Meshcheryakova L.A., Melnikova E.S.

"OBLOMOV" BY I.A. GONCHAROV AND "SOULS OF PURGATORY" BY P. MERIMEE
(ON THE QUESTION OF THE "PARODY" OF STOLTZ'S IMAGE) 14

Linguistics

Zaitsev S.G.

MATRIX OF CORRESPONDENCES OF SPEECH ELEMENTS
(ITS MODULES) TO VISUAL AND ABSTRACT IMAGES
(Demonstration of the project) Etymology of a single speech element [л'] 23

Sidorenko A.P.

THE TASKS OF MODERN EDUCATION IN THE STUDY
OF THE COMPETENCE APPROACH IN SCHOOL EDUCATION 32

Germanic Languages

Kiseleva M.S.

EXPERIMENTAL MODEL OF TEACHING ENGLISH AT SCHOOL 42

Linguistic Theory

Aleksandrova P.A.

THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD. THE SIGNIFICANCE
OF COLOR DESIGNATIONS IN ITS FORMATION 47

Baranova V.V.

COLOR TERMS AS INSTRUMENTS OF NATIONAL CULTURES AND LANGUAGES 58

===== **СОДЕРЖАНИЕ** =====

Филологические науки

- Сорокина Р.А.*
ПРАВИЛА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ) 6

Русская литература

- Мещерякова Л.А., Мельникова Е.С.*
«ОБЛОМОВ» И.А. ГОНЧАРОВА И «ДУШИ ЧИСТИЛИЩА» П. МЕРИМЕ
(К ВОПРОСУ «ПАРОДИЧНОСТИ» ОБРАЗА ШТОЛЬЦА) 14

Языкознание

- Зайцев С.Г.*
МАТРИЦА СООТВЕТСТВИЙ РЕЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
(ИХ МОДУЛЕЙ) ЗРИТЕЛЬНЫМ И АБСТРАКТНЫМ ОБРАЗАМ
(Демонстрация проекта) Этимология одинарного речевого элемента [л'] 23

- Сидоренко А.П.*
ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ
КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ..... 32

Германские языки

- Киселева М.С.*
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ..... 42

Теория языка

- Александрова П.А.*
ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА. ЗНАЧИМОСТЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЕЕ ФОРМИРОВАНИИ 47

- Баранова В.В.*
ТЕРМИНЫ ЦВЕТА КАК ИНСТРУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР И ЯЗЫКОВ 58

УДК 81

ПРАВИЛА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Р.А. Сорокина, студентка

Московский государственный педагогический университет
(119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, строение 1)

Email: soroka@yandex.ru

Аннотация. В данной статье анализируется значение лексической сочетаемости и языковой метафоры в современной лингвистике. Рассматриваются факторы сочетаемости слов.

Ключевые слова: метафора, сочетаемость, лексическая сочетаемость, морфология, грамматика, семантика.

Основополагающим свойством языка является возможность успешно передать нужный смысл, используя слово не в том значении, которое обычно связывается с ним в языке. Чаще всего это делается за счет эксплуатации сходства между тем, что обозначают слова в их стандартных смыслах, и тем, о чем хочет сказать говорящий. Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать частью стандартного семантического инструментария языка.

Несвободная сочетаемость обусловлена внутриязыковыми, семантическими взаимосвязями и отношениями. Она характерна для слов с фразеологически связанными значениями. Сочетаемость в данном случае избирательна, лексемы соединяются далеко не со всеми семантически совместимыми. Например, прилагательное неминуемый сочетается с существительными гибель, смерть, провал, но не сочетается с существительными победа, жизнь, успех и др. И случае полисемии фразеологически связанными могут быть отдельные значения слова. Так, у лексемы глубокий таким значением является ‘достигший предела в развитии, течении’. Круг ее лексических связей в данном значении ограничен: она может сочетаться со словами старость, ночь, осень, зима, но не сочетается со словами юность, день, весна, лето, семантика которых не противоречит ее собственной.

Правила лексической сочетаемости носят словарный характер, они индивидуальны для каждого слова и пока еще недостаточно последовательно и полно кодифицированы. Поэтому одной из наиболее распространенных ошибок в речи является нарушение норм лексической сочетаемости: скоропостижный отъезд (вместо неожиданный), увеличить уровень (уровень может только повышаться или понижаться), усилить темпы и т.п. Довольно часто (особенно в разговорной речи) ошибки возникают в результате контаминации (от лат. *contaminatio* – приведение в соприкосновение; смешение) – скрещивания, объединения двух сочетаний, связанных между собой какими-либо ассоциациями. Обычно контаминация – результат неправильного образования словосочетания в речи. Например, неправильное сочетание иметь отражение – результат контаминации словосочетаний иметь место и находить отражение, оказать вред – оказать помощь и нанести вред. Чаще других

контаминации подвергаются словосочетания иметь значение, играть роль, уделять (обращать) внимание. Нарушение структуры нормированных словосочетаний затрудняет восприятие речи.

В зависимости от позиции сочетающихся единиц по отношению друг к другу выделяется контактная (при соположении единиц) и дистантная (на расстоянии) сочетаемость, в зависимости от определяющих факторов – обусловленная (определяемая наличием у языковых элементов тех или иных отличительных черт) и произвольная (определяемая лишь принятой нормой). Также различается формальная и семантическая сочетаемость; исследования последней стимулируются интересом к семантической стороне языка, поскольку семантическая синтагматика играет важнейшую роль в образовании смысла высказывания.

Законы и тенденции сочетаемости могут быть как универсальными, так и конкретно-языковыми. Нарушение законов второго типа ведёт к нарушению языковой нормы или изменению свойств сочетающихся единиц (в том числе и в качестве средства художественной выразительности).

Сочетаемость проявляется на различных уровнях. На фонемном уровне обусловленная сочетаемость проявляется в совместности или несовместности дифференциальных признаков звуков. Так, во многих языках глухие согласные не могут сочетаться со звонкими, твёрдые согласные – с гласными переднего ряда. В сочетаниях фонем с несовместимыми признаками они претерпевают комбинаторные (позиционные) изменения, например, оглушение, палатализацию.

В морфологии сочетаемость проявляется в комбинации морфем. С формальной точки зрения она состоит в использовании аффиксальных алломорфов, избирательно сочетающихся с корневыми морфемами (ср. русск. берёт, но горит) и морфонологических явлениях, в частности различных изменениях на морфемном шве.

С семантической точки зрения сочетаемость определяется совместностью значений морфем или значения лексемы со значением морфемы (граммемой); так, лексема, обозначающая считаемый объект, совместима с морфемой множественного числа, в то время как обозначающая не считаемый объект – несовместима. Присоединение несовместимой морфемы, если оно не нарушает норму, свидетельствует о десемантизации морфемы (русск. чернила), её переосмыслении (в русск. Снега окончание множественного числа показывает не множественность, а интенсивность) или о переосмыслении лексемы (воды).

Сочетаемость слов определяют следующие факторы:

Грамматические – принадлежность слов к тем или иным частям речи (к примеру, для английского языка подчинительное словосочетание двух существительных нехарактерно, но возможно при адъективации зависимого существительного или использовании служебного слова: *my brother's friend, the friend of my brother*);

Лексические – избирательность лексем (русск. Оказать сочетается с услугу, но не заботу);

Семантические – семантическое согласование (требование, заключающееся в том, чтобы компоненты сочетания не имели противоречащих сем; в случае противоречия либо нарушается языковая норма, либо переосмысливается один из компонентов: *Весь дом говорил об этом*).

Лексическая сочетаемость слова – это его способность вступать в сочетания не с любым словом из какого-либо семантического класса, а только с некоторыми. Например, существует класс слов, объединяемых общим смыслом 'множество, совокупность': стадо, табун, стая, рой, косяк и т.п. При необходимости обозначить множество каких-нибудь животных мы не можем сочетать название любого животного с любым из этих слов. Причину подобного разнообразия можно усмотреть в реальном многообразии обозначаемых предметов, веществ и явлений. Но и в случае, когда речь идет не о конкретных вещах, а, скажем, об отношениях или действиях (т.е. о лексике отвлеченной, абстрактной),

сочетаемость слов лексически обусловлена.

Избирательность языка в словесных сочетаниях порождает его идиоматичность, национальную самобытность и выразительность. Эти свойства формируются веками, в процессе длительного употребления слова. Они отличают один язык от других и составляют главную трудность при овладении языком.

Особого внимания требует употребление фразеологических сочетаний. Используя фразеологизмы, следует учитывать их семантику, образный характер, лексико-грамматическую структуру, эмоционально-экспрессивную и функционально-стилевую окраску, а также сочетаемость фраземы с другими словами в составе предложения. Немотивированное отступление от этих требований приводит к речевым ошибкам, аналогичным тем, которые наблюдаются в употреблении отдельных слов. Кроме того, в речи распространены немотивированное изменение состава фраземы (его сокращение или расширение, замена одного из компонентов без расширения состава фразеологизма или с одновременным его расширением) или структурно-грамматические изменения, а также искажение образного значения фразеологического сочетания. Стилистически немотивированные, непреднамеренные нарушения лексической сочетаемости приводят к неточности речи, а иногда к неоправданному комизму.

Восприятие цвета и его оценка – это явление субъективное, связанное не только с оптическими характеристиками самих оттенков цвета, но и с психофизиологическими процессами, происходящими при этом. Но в данном случае – цвета. Семантическая структура названий цвета выступает как “совокупность значений неоднородных по степени отвлеченности и степени семантической значимости, характер связи и зависимости, который устанавливается между основным (цветовым) значением и переносным”. Все цвета разделяются на ахроматические и хроматические. Цвета, которые не имеют собственно “цветовых” признаков, то есть не обладающие цветовым тоном, называются ахроматическими. Основными среди данных цветов будут белый и черный. Цвет, имеющий хотя бы ничтожный, еле уловимый красноватый, зеленоватый, синеватый или какой-либо иной оттенок, уже считается хроматическим. Это красный, зеленый, синий и желтый цвета. Слова-цветообозначения, выражающие жизненно необходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетаемым потенциалом. В силу своей семантической природы они приносят во фразеологизмы эмоционально-экспрессивное качество и образность. Прилагательные-цветообозначения характеризуются древним происхождением, семантическим богатством и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений. Способность цветообозначений сочетаться при создании фразеологических единиц с большим количеством слов свидетельствует об особой семантической продуктивности этой группы лексем. Не вызывающим сомнение фактом является направление развития спектра значений у слово-цветообозначений от конкретного к абстрактному, от признаков, присущих предмету, обладающему каким-либо цветом, к оценочным характеристикам таких реалий, которые могут в принципе и не совмещаться с самим понятием цвета. Широкое использование названий цвета в образовании фразеологизмов связано с переосмыслением самого понятия цвета с его символическим содержанием. Отрываясь от реальных предметных связей, слова-цветообозначения становятся условными и отвлеченными, определяя самые разнообразные понятия.

Сопоставительное изучение фразеологических оборотов с компонентом цветообозначения показывает, что не только лингвистические факторы определяют роль цветообозначений. Значение названий цвета зависит и от ряда экстралингвистических факторов: культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и

сложной, но она всегда налицо. Преобладание одних и тех же наименований цветов в лексических и фразеологических единицах различных языков объясняется тем, что это главные, самые необходимые для общения цвета: “Если мы хотим понять друг друга, то для этого достаточно слов черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий как главных названий для наших ощущений”. Древность происхождения прилагательных-цветообозначений (таких, как белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, серый) также является причиной частого их употребления в лексике и фразеологии. Наиболее частотные слова обладают и наибольшей активностью. Активность – это способность слова к словопроизводству, словосложению, образованию фразеологизмов, полисемии. Все эти факторы объясняют широкое употребление цветообозначений: белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый в составе фразеологических единиц английского, русского и татарского языков.

Восприятие цвета и его оценка – это явление субъективное, связанное не только с оптическими характеристиками самих оттенков цвета, но и с психофизиологическими процессами, происходящими при этом. Но в данном случае – цвета. Семантическая структура названий цвета выступает как “совокупность значений неоднородных по степени отвлеченности и степени семантической значимости, характер связи и зависимости, который устанавливается между основным (цветовым) значением и переносным”. Все цвета разделяются на ахроматические и хроматические. Цвета, которые не имеют собственно “цветовых” признаков, то есть не обладающие цветовым тоном, называются ахроматическими. Основными среди данных цветов будут белый и черный. Цвет, имеющий хотя бы ничтожный, еле уловимый красноватый, зеленоватый, синеватый или какой-либо иной оттенок, уже считается хроматическим. Это красный, зеленый, синий и желтый цвета. Слова-цветообозначения, выражающие жизненно необходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетаемостным потенциалом. В силу своей семантической природы они приносят во фразеологизмы эмоционально-экспрессивное качество и образность. Прилагательные-цветообозначения характеризуются древним происхождением, семантическим богатством и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений. Способность цветообозначений сочетаться при создании фразеологических единиц с большим количеством слов свидетельствует об особой семантической продуктивности этой группы лексем. Не вызывающим сомнение фактом является направление развития спектра значений у слово-цветообозначений от конкретного к абстрактному, от признаков, присущих предмету, обладающему каким-либо цветом, к оценочным характеристикам таких реалий, которые могут в принципе и не совмещаться с самим понятием цвета. Широкое использование названий цвета в образовании фразеологизмов связано с переосмыслением самого понятия цвета с его символическим содержанием. Отрываясь от реальных предметных связей, слова-цветообозначения становятся условными и отвлеченными, определяя самые разнообразные понятия.

Сопоставительное изучение фразеологических оборотов с компонентом цветообозначения показывает, что не только лингвистические факторы определяют роль цветообозначений. Значение названий цвета зависит и от ряда экстралингвистических факторов: культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и сложной, но она всегда налицо. Преобладание одних и тех же наименований цветов в лексических и фразеологических единицах различных языков объясняется тем, что это главные, самые необходимые для общения цвета: “Если мы хотим понять друг друга, то для этого достаточно слов черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий как главных названий для наших ощущений”. Древность происхождения прилагательных-

цветообозначений (таких, как белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, серый) также является причиной частого их употребления в лексике и фразеологии. Наиболее частотные слова обладают и наибольшей активностью. Активность – это способность слова к словопроизводству, словосложению, образованию фразеологизмов, полисемии. Все эти факторы объясняют широкое употребление цветообозначений: белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый в составе фразеологических единиц английского, русского и татарского языков.

Роль языковой метафоры

Переосмысление является одним из способов познания действительности в сознании человека и связано с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей отраженных объектов на основе установления связей между ними. Техника переосмысления заключается в том, что старая форма используется для вторичного или третичного наименования путем переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов ФЕ или фразеологических вариантов соответственно на денотаты ФЕ или фразеосемантических вариантов [Кунин, 1986: 132-133].

Важнейшими типами переосмысления являются метафора и метонимия. Метафора – это перенос наименования с одного денотата на другой, ассоциируемый с ним, на основе реального и воображаемого сходства [Лингвистический энциклопедический словарь, 1980]. Механизм метонимических переосмыслений представляет собой перенос наименований явлений, предметов и их признаков по их смежности или по их связи в пространстве и времени [Арутюнова, 1990:30]. Метонимия обращает внимание на индивидуальную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других присутствующих с ним предметов (метафора обычно дает сущностную характеристику объекта). Уорфа следует считать родоначальником исследований, посвященных роли языковой метафоры в концептуализации действительности. Именно Уорф показал, что переносное значение слова может влиять на то, как функционирует в речи его исходное значение.

В современной лингвистике именно изучение метафорических значений в обыденном языке оказалось одним из тех направлений, которые наследуют “уорфианские” традиции. Исследования, проводившиеся Дж. Лакоффом, М. Джонсоном и их последователями начиная с 1980-х годов, показали, что языковые метафоры играют важную роль не только в поэтическом языке, они структурируют и наше обыденное восприятие и мышление. Однако современные версии уорфианства интерпретируют принцип лингвистической относительности прежде всего как гипотезу, нуждающуюся в эмпирической проверке. Применительно к изучению языковой метафоры это означает, что на первый план выдвигается сравнительное изучение принципов метафоризации в большом корпусе языков разных ареалов и различной генетической принадлежности с тем, чтобы выяснить, в какой степени метафоры в отдельно взятом языке являются воплощением культурных предпочтений отдельно взятого языкового сообщества, а в какой отражают универсальные биопсихологические свойства человека.

Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать частью стандартного семантического инструментария языка.

С одной стороны, набор цветообозначений в языках мира не совпадает, т.е. непрерывный спектр разбивается каждым языком по-своему; с другой стороны, нейрофизиологические основы цветовосприятия универсальны и достаточно хорошо изучены. Жестко универалистский подход к этой проблеме восходит к ставшей уже классической работе Б. Берлина и П. Кея Базовые цветообозначения (Basic Color Terms, 1969), в которой было выделено 11 так называемых базовых цветов и показано, что системы цветообозначений в языках мира подчиняются единой иерархии: если в языке имеется всего два базовых названия цвета, то это черный и белый, если три – то это черный, белый и

красный. Далее, по мере увеличения в языке числа слов, обозначающих базовые цвета, к списку добавляются зеленый и желтый, затем последовательно синий, коричневый и, наконец, группа из четырех цветов – фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. В настоящее время в оборот исследований по цветообозначению вовлечено уже несколько сотен языков, в том числе языки Центральной Америки, Африки, Новой Гвинеи и т.д.

Рассмотрим ФЕ, содержащие в своей семантике элемент цветообозначения. В большинстве своем фразеологизмы английского языка являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Такие ФЕ связаны с обычаями и традициями английского народа или с реалиями и историческими фактами.

Blue stocking (презр.) – синий чулок (“собранием синих чулок” был назван адмиралом Босковеном один из литературных салонов середины 18 века в Лондоне; причиной тому послужило появление известного ученого Бенджамина Спеллингфлита в этом салоне в синих чулках). Интересно, что сейчас так принято называть женщину, слывущую сухой педанткой, лишенной женственности.

A black sheep – “паршивая овца”, позор семьи (по старому поверью считалось, что черная овца отмечена печатью дьявола). Фразеологизм является частью пословицы There is a black sheep in every flock, что в русском языке звучит как “В семье не без урода”.

a\the thin red line – небольшая группа отважных людей, защищающих местность или принципы, не уступающие своих позиций. Этот фразеологизм был впервые использован в 1877 году В. Расселом. Имелись в виду британские войска в период крымской войны, носившие красную униформу.

Библия является важнейшим литературным источником фразеологических единиц. “О колоссальном влиянии, которое оказали на английский язык переводы Библии, говорилось и писалось много; в течение столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Англии книгой. Не только отдельные слова, но и целые идиоматические выражения (часто буквальные переводы древнееврейских и греческих идиомов) вошли в английский язык со страниц Библии. Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелегкой задачей”.

Библейские ФЕ являются полностью ассимилированными заимствованиями. Фразеологизмы библейского происхождения зачастую сильно расходятся с их библейскими прототипами. Этот сложный и не изученный вопрос требует особо тщательного рассмотрения и выходит за рамки данной работы.

“По числу фразеологизмов, обогативших английский язык, произведения Шекспира занимают второе место после Библии. Число их свыше 100” [Кунин 1996: 217]. Такие ФЕ называются шекспиризмами, и, так как большее их число встречается в произведениях драматурга лишь однажды, форма их четко фиксирована. Пример одного из самых известных ФЕ взят из трагедии “Отелло”: the green-eyed monster (книжн.) – “чудовище с зелеными глазами”, ревность.

Кроме Шекспира многие другие гениальные писатели обогатили английский язык и, в частности, его фразеологию. Среди них Джеффри Чосер, Джон Мильтон, Джонатан Свифт, Чарльз Диккенс, Вальтер Скотт и другие. Так, следующий фразеологизм впервые встречается в романе В. Скотта “Айвенго”: Catch/take smb red-handed – застать кого-либо на месте преступления, захватить с поличным.

На основе полученной выборки фразеологизмов можно сделать вывод, что в их состав в основном входят термины-цветообозначения более древнего происхождения, то есть наименования для тех цветов, которые составляют группу из 11 базовых оттенков спектра.

Как мотивирующая основа познавательной деятельности человека, эмоции составляют существенную часть его когнитивной системы, а процессы вербализации эмоций высвечивают основные механизмы функционирования человеческого мышления.

Любое эмоциональное состояние может быть активизировано, т.е. возбуждено, дополнено, подчеркнуто, или компенсировано соответствующими цветовыми сочетаниями.

Абсолютное большинство исследований связи цветом и эмоций отличается особенностью: “цвет вызывает эмоции”, а не наоборот, поэтому цвета должны храниться в памяти точно в той же форме, как мы их видим. А.М. Эткинд провел серию исследований цветоэмоциональных значений у взрослых, опираясь на восемь цветов теста М. Люшера и 9 основных эмоций по К. Изарду (1980). В результате исследований Эткинд установил, что взаимосвязь цвета и эмоций является многоуровневой. Во-первых, цвета и их сочетания являются символами эмоций, их внешним воплощением, опредмеченной формой; во-вторых, эмоциональные состояния человека влияют на ситуативное отношение к цвету (изменения цветовой чувствительности, цветовых предпочтений и т.д.); в-третьих, устойчивые эмоциональные особенности (свойства) субъекта также находят свое отражение в различных вариантах цветовых предпочтений. Подобная полифункциональность цвета, с одной стороны, делает его уникальным средством изучения эмоциональной сферы человека, но с другой – лежит в основе неоднозначности в оценках наблюдаемых феноменов, что требует от исследователей особой тщательности при принятии решения относительно того, на каком конкретном уровне он рассматривает и анализирует эти феномены.

Поскольку существуют свои традиции восприятия цвета у разных народов, связанные с историческими, природными, социальными условиями развития того или иного этноса, способы лексического обозначения отдельных элементов цветовой картины мира также зависят от определенных культурных традиций народа, ибо язык есть непосредственное отражение (воспроизведение) действительности, которое включает воображение и мышление; мы можем говорить в данном случае о существовании этнических (национальных) цветовых картин мира и лингвоцветовых картин мира, причиной возникновения которых является конфликт между культурными представлениями разных народов об окружающей их реальности.

Наряду с субъективным восприятием цвета индивидуумом существует и интерсубъективность в отношении к различным цветам. В этом случае мы имеем дело с символикой цвета. Способность отдельных цветов выступать в качестве символа чего-либо связана с особенностями взаимодействия цвета с сознанием и ощущениями человека. Говоря о символике цвета, следует отметить, что существует мнение, согласно которому, “цвета играют информативную роль в окружающей среде и поэтому стали общими символами для обозначения различных понятий и явлений”. Цветовая символика обладает способностью меняться от языка к языку, от одного языкового сообщества к другому: “Своя символика есть у каждого народа-носителя языка. С каждым языком связываются определенные представления, впечатления, чувства”. Роль цвета в символике различных народов велика. Цвет воздействует на психику человека, поэтому в языках и культурах многих народов определенные цвета имеют символическое значение. В этом проявляются как универсальные черты, свойственные всем языкам, так и специфические особенности, отличающие их друг от друга. Среди основных источников возникновения цветовой символики исследователь Л.Г. Бедоидзе выделяет следующие: конкретные условия быта и окружающего мира, обычаи и традиции народа, религиозные воззрения данного конкретного языкового сообщества и политические взгляды. Большое значение в становлении системы цветообозначений имеет различная потребность людей в обозначении разных групп тонов, связанная с частотой проявления оттенков цветов в окружающей природе и с практическими нуждами языкового коллектива. Важную роль в этом играют также и отличия в ассоциативном восприятии мира представителями различных национальностей и культурно-исторических эпох.

Цветовое восприятие мира нашло свое отражение в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологических единиц непосредственно связано с формированием метафорических значений у цветоименований, а на появление метафорических значений прилагательных-цветообозначений решающее влияние оказала символика цвета. “В символике народов цвета играют чрезвычайно важную роль. Различие оптических их эффектов, отзывающееся чувствительным образом на настроениях и

расположении духа, неоспоримое влияние цветов на психическую сферу человека, контраст между светлыми и темными цветами, интенсивность и энергичная живость красного цвета в противоположность к слабости и неопределенности синего и фиолетового – все эти моменты, которыми человек пользовался для символизирования и метафорического оживления своих созерцаний, ощущений и представлений”. Велика роль цветообозначений и в формировании языковой картины мира. Как совершенно справедливо утверждает исследователь А.К. Башарина, “цвета играют большую роль в формировании языковых картин мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения.

Особый интерес вызывает попытка польской исследовательницы А. Вежбицкой найти для фокусных цветов “естественные прототипы из окружающей среды”. Она выявила ассоциативную связь между черным и ночью, белым и днем. Очевиден и выбор аналогов для синего и зеленого: это – небо и растительность. Так, во многих языках, в том числе и в русском, для обозначения зеленого цвета служат слова, морфологически или этимологически связанные с обозначением травы, растений или растительного мира в целом. Подобные примеры можно найти и для синего цвета, так, в родном для исследовательницы польском языке слово *niebieski* (светло-синий) происходит от слова *niebo* (небо).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морковкин, В.В. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев: Сб. статей / Под. ред. В.В. Морковкина. – М., 1984.
2. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М., 1977.

REFERENCES

1. Morkovkin V.V. *Semantika i sochetayemost' slova // Sochetayemost' slov i voprosy obucheniya russkomu yazyku inostrantsev: Sb. statey. Pod. red. V.V. Morkovkina* [Semantics and word compatibility. Word compatibility and questions of teaching the Russian language to foreigners: Collection of articles. Edited by V.V. Morkovkin]. Moscow. 1984 (In Russ.).
2. Ulukhanov I.S. *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy yeye opisaniya* [Word-formation semantics in the Russian language and the principles of its description]. Moscow. 1977 (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 18.07.23

RULES OF LEXICAL COMPATIBILITY OF WORDS (USING THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND ENGLISH)

R.A. Sorokina, Student

Moscow State Pedagogical University, Russia

(119991, Russia, Moscow, st. Malaya Pirogovskaya, 1, build. 1)

Email: soroka@yandex.ru

Abstract. *This article analyzes the meaning of lexical compatibility and linguistic metaphor in modern linguistics. The factors of word compatibility are considered.*

Keywords: *metaphor, compatibility, lexical compatibility, morphology, grammar, semantics.*

УДК 82.01

**«ОБЛОМОВ» И.А. ГОНЧАРОВА И
«ДУШИ ЧИСТИЛИЩА» П. МЕРИМЕ
(К ВОПРОСУ «ПАРОДИЧНОСТИ» ОБРАЗА ШТОЛЬЦА)**

Л.А. Мещерякова, кандидат филологических наук, доцент кафедры ЛиМПЛ
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
(440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
Email: lam050499@gmail.com

Е.С. Мельникова, преподаватель кафедры ЛиМПЛ
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
(440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)
Email: lam050499@gmail.com

***Аннотация.** В статье предложено осмысление образа Штольца через сопоставление с героями новеллы Мериме «Души чистилища». Применение к образу Штольца понятия «пародичность» устанавливает связи героя Гончарова с архетипическим образом Дон Жуана. Предпринятое исследование позволяет назвать Штольца «воплощением донжуановского принципа вечного движения», а также увидеть «автоиронию» Гончарова, которая устанавливает связи романа «Обломов» с другими произведениями русской и зарубежной литературы.*

***Ключевые слова:** И.А. Гончаров, «Обломов», П. Мериме, «Души чистилища», архетипический образ, Дон Жуан, пародичность.*

По мнению А.Г. Гродецкой, для стиля Гончарова-романиста характерно «применение пародических форм в непародийной функции <...> когда легкая, подчас едва уловимая ироническая или пародическая подсветка присутствует внутри авторского повествования, когда благодаря ей любая констатация не является окончательной, когда размывается, оказывается “не равным себе” ни субъект, ни объект повествования» [6, с. 533-534]. Исследовательница употребляет здесь термин «пародичность» следом за Ю.Н. Тыняновым, который в «Поэтике» разводит такие понятия, как «пародичность» и «пародийность», «пародическую форму» и «пародийные функции», а также указывает на «отсутствие направленности на какое-либо произведение» как характерную черту большинства произведений «пародической формы» [18, с. 291]. Такая «пародическая подсветка» представляется нам весьма конструктивной для выявления типологических особенностей образа Штольца в романе И.А. Гончарова «Обломов».

Оставляя большую часть многообразных и противоречивых оценок образа Штольца, представленных большей частью в антологии «Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике» [16], за рамками нашего исследования, обратим внимание на некоторые попытки отечественных ученых поставить его в один архетипический ряд с героями мировой классики. Практически не встретила в отечественном и зарубежном литературоведении

сочувствия идея Н.Д. Ахшарумова о типологическом сходстве Штольца с гетевским Мефистофелем; гораздо ближе к гончаровскому герою оказался шекспировский Горацио [1; 12]. Мы обнаружили в образе Штольца и донжуановские черты.

Духовное сродство

Основания для поиска подобных связей и аналогий предоставил сам Гончаров. В критических заметках «Лучше поздно, чем никогда», посвященных романам «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», а также общим вопросам «необъяснимого процесса творчества», писатель говорит о «загадочном» действии «невидимых нитей», «магнетических токов», в том числе «духовного, наследственного сродства, которое замечается между творческими типами художников, начиная с гомеровских, эзоповских, потом сервантевского героя, шекспировских, мольеровских, гетевских и прочих и прочих <...> Дон-Кихот, Лир, Гамлет, леди Макбет, Фальстаф, Дон-Жуан, Тартюф и другие уже породили в созданиях позднейших талантов целые родственные поколения подобий, раздробившихся на множество брызг и капель» [3, с. 104]. Что касается самого Гончарова, то он, по замечанию В. Е. Багно, как раз и принадлежал к тем писателям, кто «сознательно» ориентировался «в своем творчестве на воссоздание завещанных прошлым сверхтипов, устойчивых мотивов, вечных тем» [2, с. 5]. С.Н. Казакова предложила рассматривать образ Корделии, не раз возникавший в «Обломове», как скрытую аллюзию на трактат С. Кьеркегора «Или-или» [8, с. 161-182], а черты героя романа Гете «Страдания юного Вертера» – в образах Райского, Волохова, Ватутина из «Обрыва» [9, с. 16-44].

И.А. Гончаров в романе «Обломов» ни разу не упоминает о П. Мериме, в отличие от некоторых других французских авторов – г-жи Жанлис, В. Гюго, Э. Сю, Ж. Санд [10, с. 187-195]. Мы позволим себе предположить имплицитное присутствие в романе новеллы П. Мериме «Души чистилища», главным героем которой является Дон Жуан, а по существу целых два Дон Жуана, дающих основание обнаружить в Штольце в том числе и донжуановские черты.

О вспомогательной роли Штольца говорил сам Гончаров. На вопрос Ф.И. Тютчева «зачем я взял Штольца?» я повинился в ошибке, сказав, что сделал это случайно: под руку, мол, подвернулся!» [3, с. 81]. Предположим, что ему «под руку подвернулась» именно новелла П. Мериме «Души чистилища», которая впервые была опубликована в журнале «Ревю де Монд» 15 августа 1834 года. Для выяснения доли вероятности той встречи позволим себе привести широко известные факты биографии Гончарова. В пансионе священника Ф.С. Троицкого, где Гончаров находился с 1820 по 1822 годы, будущий писатель особое внимание уделял французскому языку и вскоре, по свидетельству Ю. Лошица, «стал почитать <...> все подряд, без разбору, – разрозненные тома Расина, Вольтера, Руссо» [12, с. 18]. В числе любимых преподавателей был С.П. Шевырев, недавно прибывший «из-за границы с громадным багажом познаний из области иноязычных литератур – от древних до новейших» [12, с. 30]. В годы учебы на словесном отделении московского университета, когда определилось влечение будущего писателя к литературе, состоялась и первая публикация – перевод Гончарова двух глав из романа французского писателя Эжена Сю «Антар-Гюль» («Телескоп», сентябрь 1832 года). По замечанию Лошица, «две эти экзотические главки переводил он залпом, без натуги <...> Здесь переводят прозу Гейне и Мериме, публикуют статьи о Гете и Вальтере Скотте» [12, с. 33-34]. О хорошем знании Гончаровым французского языка свидетельствует и его высокая оценка перевода романа «Обломов» на французский язык, сделанного в основном Шарлем Деленом и Петром Артамовым (псевдоним графа Владимира де ла Фит де Пельпора). С.Н. Гуськов в статье «Хрустальный башмачок Обломова» приводит положительный отзыв Гончарова: «...французский перевод первой части сделан очень хорошо <...> нет ни одного замечания по поводу перевода как такового. Он безукоризнен...» [7, с. 46-47]. О французской культурной ориентации Гончарова говорят в том числе и «Комментарии» к роману

«Обломов», составленные И. Кузнецовым [11, с. 533-562]. Из 70 комментариев, касающихся толкования иностранных слов и выражений, 31 касается перевода с французского языка и лишь 13 с немецкого, почти столько же, сколько с латинского или греческого.

«Души чистилища» были написаны Мериме в 1834 году, и вряд ли Гончаров пропустил это заметное литературное событие и стал дожидаться перевода новеллы на русский язык 1843 года. То, что французская культура, литература, да и сама Франция занимали воображение Гончарова, вторгались в творческий процесс вынашивания, обдумывания и рождения романа «Обломов», не подлежит сомнению. Тем не менее мы должны признаться, что подтвердить (равно как и опровергнуть) факт знакомства Гончарова с новеллой Мериме «Души чистилища» нам не удалось. Однако точки соприкосновения этих произведений при скрупулезном сопоставлении текстов нам кажутся очевидными.

Хотя роман «Обломов» в основном был написан во время заграничного отпуска писателя в 1857 году, его пребывания в Дрездене, Франкфурте, Майнце, Кельне, Мариенбаде, Париже («...в 7 недель завершил 1-ю и написал 3 другие части романа «Обломов»), тем не менее Гончаров неоднократно писал в том числе Ю.Д. Ефремовой 11(23) сентября 1857 года из Дрездена, что с этим романом он «жил еще в молодости, десять лет тому назад...». А 2(14) августа того же года в письме И.И. Льховскому признался: «...роман выносился весь до мельчайших сцен и подробностей и оставалось только записать его <...> писал как будто по диктовке <...> многое явилось бессознательно...». Если допустить, что из области «бессознательного» явились в том числе герои новеллы П. Мериме «Души чистилища», тогда можно объяснить необычную по своему характеру «мистификацию», на которую Гончаров указывал в письме Ю.Д. Ефремовой 29 июля (9 августа) 1857 г. из Мариенбада. В письме И.И. Льховскому от 15(27) июля 1857 года Гончаров пишет: «...сильно занят Ольгой Ильинской <...> Сижусь в ее комнате, иду в парк, забираюсь в уединенные аллеи, не надышусь, не нагляжусь. У меня есть соперник: он хотя и моложе меня, но неповоротливее, и я надеюсь их скоро развести <...> все будет зависеть от того, овладею я ею или нет <...> Вы увидите ее и решите, стоит ли она того страстного внимания, с каким я вожусь с нею <...> Тогда, может быть, и я разочаруюсь и кину ее. Но теперь, теперь волнение мое доходит до бешенства...» [14]. Интригуя Льховского, Гончаров изъясняется как заправский Дон Жуан.

Образ Дон Жуана, безусловно, занимал воображение Гончарова. Об этом свидетельствует в том числе роман «Обрыв», в котором видим ключ к пониманию этого героя. Райский в споре с Аяновым заступает за Дон Жуана, не соглашается с тем, что он «пустой человек». Более того, по мнению Райского, «донжуанизм – то же в людском роде, что донкихотство: еще глубже; эта потребность еще прирожденнее» [5, с. 11]. «От характерологических комплексов Дон Жуана и Дон Кихота Райский переходит к тому общему, что роднит эти сверхтипы, – к мотиву “живого дела” <...> просвечивающему сквозь него архетипическому мотиву “живой жизни”» [17]. В какой-то степени и к Штольцу применима характеристика Аяновым Райского: «А ты был и Дон Жуан и Дон Кихот вместе. Вот умудрился!» [5, с. 39]. Герои еще не раз будут возвращаться к этому разговору. Принципиально важными нам представляются следующие слова Райского: «Дон Жуаны, как Дон Кихоты, разнообразны до бесконечности» [5, с. 24].

Аллюзию на Дон Жуана обнаруживаем и в романе «Обломов»: в воображении Штольца «потянулись пестрые маски настоящего и минувшего времени. Он с улыбкой, то краснея, то нахмурившись, глядел на бесконечную вереницу героев и героинь любви: на донкихотов в стальных перчатках <...> увядших дев, с вечными слезами любви, с монастырем, и усатые лица недавних героев, с буйным огнем в глазах, наивных и сознательных донжуанов...» [4, с. 467].

Сопоставительный анализ эпизодов

Юрий Лошиц следующим образом понимает характер Штольца: «Гончаров ни в коей мере не идеализирует «дельного» человека. Наружная обаятельность романного Штольца не должна вводить нас в заблуждение. Этот персонаж так и задуман автором, чтобы на поверхности действия все время оставаться ему выигрышно привлекательной фигурой, таким отовсюду правильным «молодцом» [12, с. 178]. Такого «молодцеватого» героя, точнее героев, нарисовал и Мериме. Для удобства мы будем именовать их Дон Жуан №1 (дон Хуан де Маранья) и Дон Жуан №2 (Гарсия Наварро).

Прежде всего в новелле Мериме наше внимание привлекла биография дона Хуана де Маранья. Особого внимания заслуживает эпизод, рассказывающий о детстве героя, сделанный по той же сюжетной схеме, что и ранний период жизни Андрея Штольца. Структура этих фрагментов практически идентична: сначала мы узнаем о происхождении героев, затем собственно о детстве и в заключение – о переходе во взрослую, самостоятельную жизнь (отправлении в университет). И Штолец, и дон Хуан являлись единственными сыновьями в семье. Родители воспитывали их на свой манер. Мать Хуанито «хотела сделать его набожным, подобно ей самой <...> с помощью ласк и лакомств склоняла его к перебиранию четок, заучиванию литаний <...> убаюкивала его чтением житий святых» [13, с. 138]. И Андрюша Штолец «с матерью читал священную историю». А кроме того, она «учила прислушиваться к задумчивым звукам Герца, пела ему о цветах, о поэзии жизни...», заучивала с сыном басни Крылова и вместе разбирали по складам Телемака [4, с. 158, 162]. У каждой из матерей был свой идеал, своя «икона», к которой они настойчиво «подводили» своих сыновей. Для графини де Маранья – это «мессы для спасения души» и, как напоминание для всех грешников, картина с изображением мук чистилища [13, с. 138]. Для матери Штольца – идеал «барина», который не будет «сам ворочать жернова на мельнице, возвращаться домой с фабрики и полей <...> в сале, в навозе, с красно-грязными, загрубевшими руками, с волчьим аппетитом» [4, с. 161]. Следует заметить, что идеала их сыновья в равной мере не достигли: чего больше всего матери боялись, то с их сыновьями и приключилось. Правда, в финалах обоих произведений и дон Хосе и Штолец успели-таки обрести некоторые черты материнских грез: дон Хосе, много нагрешивший, «умер, чтимый как святой даже теми, кто знал его прежние бесчинства» [13, с. 193], и крымское житие Штольца имеет весьма определенные черты барской жизни.

Отцы давали сыновьям более суровое воспитание: граф де Маранья «знакомил мальчика с романсами о Сиде и Бернардо дель Карпью, рассказывал ему о восстании морисков и убеждал его упражняться целыми днями в метании копья, стрельбе из арбалета» [13, с. 138] и т.п. Иван Штолец также принуждал сына к постоянной деятельности, «сажал его с собой на рессорную тележку, давал вожжи и велел везти на фабрику, потом в поля, потом в город, к купцам, в присутственные места...», а помимо этого – разбирал с Андрюшей «по складам Гердера, Виланда, библейские стихи и подводил итоги безграмотным счетам крестьян, мещан и фабричных» [4, с. 158]. Вместо лат, помятых аркебузными пулями, шлема, спасшего графа де Маранья при штурме Альмерии и хранившего след от удара мусульманского топора, мавританских саблей, копий, знамен, что младший отпрыск де Маранья видел в комнате своего отца, у Андрея Штольца – «щелканье счетов», «разбирание замасленных расписок мужиков» [4, с. 162].

В пустом верхлевском замке, в длинных залах и галереях, по темным портретам на стенах Андрей Штолец тоже приобщался к «истории славных времен, битв, имен». Он «читает там повесть о старине, не такую, какую рассказывал ему сто раз, поплеывая, за трубкой, отец о жизни в Саксонии, между брюквой и картофелем, между рынком и огородом» [4, с. 162]. В последнем сопоставлении особенно очевидна авторская ирония, та самая «пародическая подсветка» образа Штольца, без которой герой не виден в полном объеме.

Начало самостоятельной жизни Андрея Штольца тоже удивительно напоминает путь Хуанито. Оба были своими отцами отправлены в университет без определенной цели. Отец донна Хуана, «полагая, что дворянину из рода Маранья следует научиться еще кое-чему», решил послать его в Саламанкский университет [13, с. 140]. И Иван Штолец свято верил, что сын, как и он сам, должен пройти университетскую науку, «взял колею от своего деда и продолжил ее, как по линейке, до будущего своего внука» [4, с. 164]. Слова, которые он после окончания учебы скажет своему сыну перед отправлением его в Петербург, напрашиваются в параллель к тому напутствию, которое в сходных обстоятельствах сделает граф де Маранья. Если последнее – предельно пафосное, напоминает сыну о том, что главное «достояние дворянина – его честь», лучше погибнуть, чем запятнать честь дома Маранья, и с этими словами отец вручает Хуанито шпагу как залог его чести и достоинства [13, с. 140], то от Ивана Штольца Андрей получает только лошадь, которую тот должен будет продать Калинникову или на ярмарке. Этих денег должно хватить и до Москвы, и до Петербурга. «Потом – как хочешь <...> перед тобой все карьеры открыты» [4, с. 165]. Таким образом напутствуемые родителями, оба героя верхом отправляются в путь.

Возвращаясь к «пародическим формам» в прозе Гончарова, сошлемся вновь на замечание А.Г. Гродецкой о том, что в первых частях романа «Обломов» при изображении Штольца действительно ощущалось «авторское ироническое соприсутствие», которое к четвертой части почти исчезает. «Отсюда и колеблющееся, нетвердое авторское к нему отношение, допускающее взаимоисключающие ракурсы, а вместе с автором – и отношение читательское» [6, с. 534]. Гончаров, в отличие от Мериме, не сделал своего героя бесчестным повесой, сластолюбцем, покорителем и коллекционером женских сердец. Его личная жизнь до женитьбы на Ольге Ильинской находится вообще за пределами повествования. На четырех страницах второй части Гончаров дает лишь беглую характеристику тридцатилетнему Штольцу. Не привязанные автором к каким бы то ни было конкретным жизненным ситуациям, многие из этих определений могут быть соотнесены в том числе и с его личной, интимной жизнью. Так, например, Гончаров обращает внимание читателей на то, что Штолец не верил в «поэзию страстей», а потому умел не смешивать горечь с наслаждением и наслаждался «сорванным по дороге цветком, пока он не увядал в руках». В своих увлечениях не терял почвы под ногами и всегда умел «в случае крайности рвануться и быть свободным». Был так скуп в проявлении чувств, что его называли «эгоистом, бесчувственным». Никто не видел, чтобы Штолец «задумывался над чем-нибудь болезненно и мучительно <...> не пожирали угрызения утомленного сердца; не болел он душой, не терялся никогда в сложных, трудных или новых обстоятельствах» [4, с. 169]. Был осмотрителен и настойчив в достижении целей. В любой сложной ситуации «употреблял тот прием, какой был нужен...» [4, с. 170]. В приведенных характеристиках Штольца нет ни одной, какую читатели новеллы Мериме «Души чистилища» не могли бы отнести к дону Гарсии или дону Хуану.

Покинув родительский дом и оказавшись на свободе, дон Хуан попадает в руки донна Гарсии Наварро, который, без сомнения, также являет собой донжуановский тип с полным набором архетипических черт, хотя Мериме прямо на это и не указывает. У отца Гарсии, как и у донна Хуана, был сговор с дьяволом, что и поспособствовало в свое время чудесному исцелению ребенка. Кроме того, имеет место устойчивый для литературы о Дон Жуане мотив «оскорбления черепа» [2, с. 15-24] (поведение донна Гарсии в обстоятельствах смерти Гомаре). Дон Гарсия совершает по отношению к дону Хуану практически те же действия, что и Штолец в адрес Обломова: берет на себя право опекать неопытного друга, руководить его действиями, выводит в «свет», затем знакомит с женщиной. И в жизнь донна Хуана врывается дон Гарсия, который становится закадычным другом, а по существу – его злым гением. Продав свою душу дьяволу, он пытается наставить на этот путь и донна Хуана. И весьма успешно.

Донжуановские ситуации в произведениях Гончарова и Мериме

«Донжуановские ситуации» в произведениях Мериме и Гончарова построены по модели любовного треугольника. Дон Гарсия знакомит дона Хосе с Тересой де Охеда, а по истечении небольшого срока просит друга уступить ему надоевшую возлюбленную. Здесь мы вновь хотим привести характеристику Штольца, которую дает Юрий Лошиц: «Его способность быть, так сказать, вездесущим заставляет о многом задуматься – это ведь почти уже и нечеловеческая способность». В этом, а также кое в чем другом Ю. Лошиц усматривает в образе Штольца мефистофельское начало. «Как известно, – продолжает далее Лошиц, – гетевский Мефистофель поступил вовсе не оригинально, подсунув Фаусту в качестве возлюбленной и любовницы невинную Гретхен. Бес в данном случае действовал по-старинному, десятки и сотни раз обкатанному сценарию, автором которого был, как известно, сам библейский князь тьмы, родоначальник греха. Со времен наущения Евы нечистый всегда успешней всего действует через женщину» [12, с. 178, 180].

Гончаров по сути повторяет эту сюжетную коллизию, но при этом принципиально меняя внутреннее содержание образов и мотивацию их поступков. «Обломов хотя и прожил молодость в кругу всезнающей <...> ни во что не верующей и все холодно <...> анализирующей молодежи, но в душе <...> он втайне поклонялся чистоте женщины, признавал ее власть и права и приносил ей жертвы». «...ни одного пятна, упрека в холодном, бездушном цинизме <...> не лежало на его совести. Он не мог слушать ежедневных рассказов о том, как один переменял лошадей, мебель, а тот – женщину...» [4, с. 282, 283]. И ряд, в который здесь поставлена женщина, не случаен для донжуанствующих героев. Пока еще молодой и неискушенный дон Хуан, постигая «науку» оболщения, с удивлением внимает словам дона Гарсии о том, что умение обращаться с любовницами того же порядка, что и с лошадьми: «если вы позволите ей усвоить дурные привычки и не внушите, что не склонны прощать ее капризы, вы никогда ничего не добьетесь» [13, с. 160].

Штолец рядом с Ольгой Ильинской вынужден был «переходить в другую сферу, в которую он редко и неохотно пускался с женщинами». «С него немного спала спесивая уверенность в своих силах; он уже не шутил легкомысленно, слушая рассказы, как иные теряют рассудок, чахнут от разных причин, между прочим...от любви». В жизни Андрея Штольца «русская жизнь рисовала свои невидимые узоры и из бесцветной таблицы», по замыслу Гончарова, должна была сделать «яркую, широкую картину» [4, с. 423].

Обнаруженные сюжетные переклички с новеллой Мериме позволяют взглянуть на роман «Обломов» с неожиданного ракурса. Штолец приводит Обломова, как и Дон Жуан №2 своего неопытного друга, в дом женщины. Но в той же мере, в какой Обломов анти-Фауст [19], он и анти-Донжуан. Ибо наметившаяся в сюжете параллель Обломов – дон Хуан де Маранья закончилась, не успев как следует начаться. Гарсия Наварро увлекает душу дона Хуана за собой в ад, «душ чистилище», а небесная, голубиная чистота Ильи Ильича Обломова так и останется нетронутой и неопороченной. «Его легко обмануть, легко озадачить, смутить, испугать – но подчинить его слабую волю и сломить его хрупкий дух оказывается невозможно, – пишет Галина Ребель. – Ничего того, что бы привело к измене себе, своему внутреннему «я», своему сокровенному чувству гармонии и представлению о должном, Обломов не сделал» [15, с. 185].

Штолец как воплощение донжуановского принципа вечного движения

Штолец, дон Гарсия Наварро и дон Хуан де Маранья неутомимы, они постоянно двигаются к своим целям. Их энергичность, кипучая деятельность находят отражение, к примеру, в перекликающихся портретных характеристиках Штольца и дона Гарсии. Штолец был «...весь составлен из костей, мускулов и нервов <...> цвет лица ровный, смугловатый и никакого румянца; глаза хотя немного зеленоватые, но выразительные...» [4, с. 167], и дон Гарсия – «широкоплечий, хорошо сложенный, очень смуглый с надменным взглядом и презрительной складкой у губ» [13, с. 142]. К обоим Дон Жуанам Мериме можно применить

характеристику Штольца, какую дает ему Обломов: «Штолец – ум, сила, умение управлять собой, другими, судьбой. Куда ни придет, с кем ни сойдется – смотришь, уж овладел, и играет, как будто на инструменте» [4, с. 226].

Как известно, образ Штольца не удовлетворял Гончарова. Ему нужен был герой, сформировавшийся, в отличие от Обломова, в «немецкой системе неизнеженного, бодрого и практического воспитания» [3, с. 81]. Но не совсем понятно, почему Штолец столь превзошел в чисто немецкой практичности и деловитости своего отца, чистокровного немца. Где в российской действительности он получил заряд на столь крупные свершения? Откуда этот масштаб? Есть в Штольце что-то еще, помимо немецкого трудолюбия. Это «что-то» – заряд на вечное движение, ненасытная жажда новизны, упражнения своих сил и возможностей, что и составляет глубинную природу образа Дон Жуана. По авторитетному замечанию В.Е. Багно, «в миф о Дон Жуане заложен вечный спор между коллективной моралью – основой общечеловеческой нравственности и сокровищницей общечеловеческих ценностей, с одной стороны, и личной моралью – стремлением человека к неизведанному, основой, источником развития человека, его истории и культуры, главным гарантом перемен и обновления – с другой» [2, с. 9]. Эту дихотомию, берущую свое начало в происхождении и воспитании героя, и обнаруживает читатель в образе Штольца. Если признать, что суть донжуановского принципа – вечное движение, то Штолец есть само воплощение этой сути. Вот откуда проистекает «колеблющееся, нетвердое» отношение к герою как самого автора, так и читателей романа.

Пародическая форма в непародийной функции

Сопоставление романа «Обломов» с новеллой Мериме позволяет увидеть «автоиронию» Гончарова, реализующуюся в том числе в «разного рода фабульных и образных «симметризмах» [6, с. 540], которые выходят за пределы конкретных текстов Гончарова и устанавливают связи с другими произведениями русской и зарубежной литературы.

Гончаров относил себя к категории писателей, тяготеющих к «бессознательному» творчеству, самый процесс которого описал так: «...лица не дают покоя, пристают, позируют в сценах, я слышу отрывки их разговоров – и мне часто казалось <...> что я это не выдумываю, а что это все носится в воздухе около меня и мне только надо смотреть и вдумываться» [3, с. 71]. Вероятнее всего, «Души чистилища» П. Мериме не воспринимались создателем романа «Обломов» как претекст, но тем интереснее для исследователя процесс «узнавания», «раскодировки» гончаровского творения. Кроме того, Ю. Тынянов, размышляя о внекомической природе большого ряда пародийных произведений в русской литературе XIX века, указал еще на одно «интереснейшее явление» – «переадресованную пародию» – когда «пародируется какое-либо старое произведение или старый автор, на которого опирается какое-либо современное направление в литературе» [18, с. 288].

При отсутствии пародийной направленности романа «Обломов» на «Души чистилища» Мериме, когда «пародия, главный элемент которой в стилистических частностях, будучи оторвана от своего второго плана (который может быть просто забыт), естественно утрачивает пародийность» [18, с. 226], «пародичность» образа Штольца по отношению к Дон Жуанам новеллы Мериме выполняет исключительно служебную функцию (если вообще можно говорить о ней как об осмысленном Гончаровым приеме). Применение к образу Штольца термина «пародичность», обозначающего «явление самое широкое и неопределенное в отношении произведений, служащих материалом» [18, с. 294], устанавливающего специфические связи с новеллой П. Мериме «Души чистилища» и архетипическим образом Дон Жуана, выявляет истоки главного свойства характера Штольца, находящегося «беспреданно в движении» [4, с. 167], а также особым образом подсвечивает любовные коллизии в романе, подчеркивает антидонжуанство Обломова. Пародическое использование новеллы Мериме можно отнести к тем «мелким, аксессуарным

явлениям и деталям», которые, по определению Гончарова, и характеризуют «необъяснимый» процесс творчества [3, с. 104].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахшарумов, Н.Д. Обломов. Роман И. Гончарова. 1859. / Н.Д. Ахшарумов // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. – Л.: ЛГУ, 1991.
2. Багно, В.Е. Миф-образ-мотив (Русская литература в контексте мировой) / В.Е. Багно. – Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома, издательство «Вита Нова», 2014.
3. Гончаров, И.А. Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки). Собрание сочинений. В 8-и томах. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма / И.А. Гончаров. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955.
4. Гончаров, И.А. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 4. Обломов / И.А. Гончаров. – М.: Издательство «Правда», 1972. – 526 с.
5. Гончаров, И.А. Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 5. Обрыв / И.А. Гончаров. – М.: Издательство «Правда», 1972. – 542 с.
6. Гродецкая, А.Г. Автоирония у Гончарова / А.Г.Гродецкая // *Sub specie tolerantiae*. Памяти В.А. Туниманова. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – СПб.: Наука, 2008.
7. Гуськов, С.Н. Хрустальный башмачок Обломова / С.Н. Гуськов // Русская лит. – 2002. – № 3 – С. 44-52.
8. Казакова, С.К. Таинственная Корделия: О ком грезил Илья Обломов? / С.К. Казакова // Вопросы литературы. – 2019. – № 3 – С. 161-182.
9. Казакова, С.К. Три Вертера над обрывом. Гетевские аллюзии в романе Гончарова / С.К. Казакова // Вопросы литературы. – 2022. – № 3 – С. 16-44.
10. Кафанова, О.Б. Французские авторы и произведения в романе «Обломов»: текст, подтекст, контекст / О.Б. Кафанова // Обломов: константы и переменные. Сборник научных статей. От. ред. С. Денисенко. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 187-195.
11. Кузнецов, И. Обломов. Книга для ученика и учителя / И. Кузнецов. – М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 688 с. – С. 533-562.
12. Лощиц, Ю.М. Гончаров / Ю.М. Лощиц. – М.: «Молодая гвардия», 1977. – 351 с.
13. Мериме, П. Избранные произведения. В 2-х томах. Том 1. Души чистилища / П. Мериме. – Новосибирское книжное издательство, 1993. – 351 с.
14. Письма Гончарова И.А. – Режим доступа: http://gumfak.ru/otech_html/ivan-goncharov/goncharov-pisma/goncharov
15. Ребель, Г.М. Обломов и другие / Г.М. Ребель // Вопросы литературы. – 2012. – № 6 – С. 158-187.
16. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике. – Л.: ЛГУ, 1991.
17. Синякова, Л.Н. Антропосфера романа И.А. Гончарова «Обрыв»: Райский и другие (концептуально-ценностный аспект) / Л.Н. Синякова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antroposfera-romana-i-a-goncharova-obryv-rayskiy-i-drugie-kontseptualno-tsennostnyy-aspekt/viewer>
18. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – М.: Изд-во «Наука», 1977.
19. Хайнади, З. Обломов как анти-Фауст / З. Хайнади // Вопросы литературы – 2010. – № 4 – С. 360-386.

REFERENCES

1. Akhsharumov N.D. Oblomov. Roman I. Goncharova. 1859. Roman I.A. Goncharova «Oblomov» v russkoy kritike. Leningrad. 1991 (In Russ.).
2. Bagno V.Ye. Mif-obraz-motiv (Russkaya literatura v kontekste mirovoy). SPb. “Vita Nova”. 2014 (In Russ.).
3. Goncharov I.A. Luchshe pozdno, chem nikogda: (Kriticheskiye zametki). Sobraniye sochineniy. V 8-i tomakh. T. 8. Stat'i, zametki, retsenzii, avtobiografii, izbrannyye pis'ma. Moscow. 1955 (In Russ.).
4. Goncharov I.A. Sobraniye sochineniy. V 6-ti tomakh. T. 4. Oblomov. Moscow. 1972. 526 p. (In Russ.).

5. Goncharov I.A. Sobraniye sochineniy. V 6-ti tomakh. T. 5. Obryv. Moscow. 1972. 542 p. (In Russ.).
6. Grodetskaya A.G. Avtoironiya u Goncharova. Sub specie talerantiae. Pamyati V.A. Tunimanova. SPb. 2008 (In Russ.).
7. Gus'kov S.N. KHRustal'nyy bashmachok Oblomova. Russkaya lit. 2002. no 3 pp. 44-52 (In Russ.).
8. Kazakova S.K. Tainstvennaya Kordeliya: O kom grezil Il'ya Oblomov? Voprosy literatury. 2019. no 3 pp. 161-182 (In Russ.).
9. Kazakova S.K. Tri Vertera nad obryvom. Getevskiye allyuzii v romane Goncharova. Voprosy literatury. 2022. no 3 pp. 16-44 (In Russ.).
10. Kafanova O.B. Frantsuzskiye avtory i proizvedeniya v romane «Oblomov»: tekst, podtekst, kontekst. Oblomov: konstanty i peremennyye. Sbornik nauchnykh statey. Ot. red. S. Denisenko. SPb. 2011. P. 187-195 (In Russ.).
11. Kuznetsov I. Oblomov. Kniga dlya uchenika i uchitelya. Moscow. 1999. 688 p. P. 533-562 (In Russ.).
12. Loshchits Yu.M. Goncharov. Moscow. 1977. 351 p. (In Russ.).
13. Merime P. Izbrannyye proizvedeniya. V 2-kh tomakh. Tom 1. Dushi chistilishcha. Novosibirsk. 1993. 351 p. (In Russ.).
14. Pis'ma Goncharova I.A. Available at: http://gumfak.ru/otech_html/ivan-goncharov/goncharov-pisma/goncharov (In Russ.).
15. Rebel' G.M. Oblomov i drugiye. Voprosy literatury. 2012. no 6 pp. 158-187 (In Russ.).
16. Roman I.A. Goncharova «Oblomov» v russkoy kritike. Leningrad. 1991 (In Russ.).
17. Sinyakova L.N. Antroposfera romana I.A. Goncharova «Obryv»: Rayskiy i drugiye (kontseptual'no-tsennostnyy aspekt). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/antroposfera-romana-i-a-goncharova-obryv-rayskiy-i-drugie-kontseptualno-tsennostnyy-aspekt/viewer> (In Russ.).
18. Tynyanov YU.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. Moscow. 1977 (In Russ.).
19. Khaynadi Z. Oblomov kak anti-Faust. Voprosy literatury. 2010. no 4 pp. 360-386 (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 12.07.23

"OBLOMOV" BY I.A. GONCHAROV AND "SOULS OF PURGATORY" BY P. MERIMEE (ON THE QUESTION OF THE "PARODY" OF STOLTZ'S IMAGE)

L.A. Meshcheryakova, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature
Penza State University
(440026, Russia, Penza, st. Krasnaya, 40)
Email: lam050499@gmail.com

E.S. Melnikova, Lecturer at the Department of Literature
and Methods of Teaching Literature
Penza State University
(440026, Russia, Penza, st. Krasnaya, 40)
Email: lam050499@gmail.com

***Abstract.** The article suggests understanding the image of Stoltz through comparison with the heroes of Merimee's novella "Souls of Purgatory". The application of the concept of "parody" to Stoltz's image establishes the connections of Goncharov's hero with the archetypal image of Don Juan. This research allows us to call Stoltz "the embodiment of the Don Juan principle of perpetual motion", and also to see Goncharov's "auto-irony", which establishes the links of the novel "Oblomov" with other works of Russian and foreign literature.*

***Keywords:** I.A. Goncharov, "Oblomov", P. Merimee, "Souls of purgatory", archetypal image, Don Juan, parody.*

УДК 8

**МАТРИЦА СООТВЕТСТВИЙ РЕЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
(ИХ МОДУЛЕЙ) ЗРИТЕЛЬНЫМ И АБСТРАКТНЫМ ОБРАЗАМ***
(Демонстрация проекта)
Этимология одинарного речевого элемента [л']

С.Г. Зайцев,
(ж/д ст. Шентала), Российская Федерация
E. mail: zsg13061964@gmail.com

***Аннотация.** Данная работа является логичным продолжением статьи «Некоторые стороны праязыковой теории глазами дилетанта». В статье я выдвинул ряд тезисов, обещая их дальнейшее раскрытие. Одним из тезисов является тезис о наличии смыслового наполнения фонем типа а, б, в, г и т.д. Для их обозначения я использую термин- «речевой элемент» (далее по тексту – рэ). В статье я также обещал демонстрацию этимологий этих самых рэ, в том числе их визуальных или абстрактных образов и по возможности жестов, которыми они передавались. Все эти данные, в дальнейшем, я собираюсь свести в одной таблице, с проектом которой намереваюсь ознакомить читателя в этой работе.*

***Ключевые слова:** база понятий, зрительные и абстрактные образы, первичное отдаление языков, «Матрица соответствий речевых элементов (их модулей) зрительным и абстрактным образам».*

Трудность написания этой работы заключается в том, что провести анализ какого-то одного рэ в чистом виде непросто, или, точнее, невозможно. Необходимо показать его взаимодействие со многими другими, а по структуре матрицы, со всеми. Ведь рэ лишь во взаимодействии между собой создают волшебство под названием ЯЗЫК. Это намного усложняет задачу в техническом плане и увеличивает объём работы до размеров, осилить которые я в краткие сроки не готов. Мне придется на данном этапе просто проигнорировать демонстрацию всех остальных рэ, остановившись на одном. Следующая трудность заключается в том, что этот показ логично было бы сопроводить отражением этимологий рэ в широкой массе языков мира, представляющих разные языковые семьи. Но я не обладаю необходимыми для этого ресурсами, и в этой работе приведены примеры из чувашского языка и некоторые понятные мне примеры из других языков. Поэтому, повторяюсь, эта работа будет облегченной версией, насколько это возможно. Статья должна положить начало написанию цикла работ по раскрытию этимологий речевых элементов, демонстрации их образов и, по возможности, жестов.

С самого момента понимания того, что у меня что-то получается, я задался вопросом систематизации результатов. Таким инструментом упорядочения стала таблица, которую я назвал «Матрица соответствий речевых элементов (их модулей) зрительным и абстрактным образам» – далее матрица. Слово происходит от латинского matrix «матка; первопричина, первоисточник» и думаю, что это название будет соответствовать содержанию. Чем-то она будет схожа с периодической таблицей Менделеева и в ней, как я предполагаю, можно будет проследить общие признаки и логическую связь между элементами в определенных группах.

Я думаю, что эта матрица в дальнейшем будет помогать в поиске утраченных праязыковых следов и этимологий и даже возможно, в дешифровке надписей. Также в ней будут отражены знаковые жесты, фигуры и движения, и их фонетические синонимы. Эта таблица должна (в идеале) стать «описанием» всех частей «слона» из индийской притчи. Под «слоном» я подразумеваю предтечу всех языков мира, как мертвых, так и существующих. Ученое сообщество до сегодняшнего времени скептически относится к возможности воссоздания ранних коммутативных форм. Вот что пишет Эрика Картмилл (Кафедра антропологии Калифорнийского университета, Лос-Анджелес, Калифорния, США) в работе «Gesture» (2022 г.): «Конечно, невозможно узнать, какими были самые ранние формы человеческого языка. Там не было никого, кто мог бы задокументировать наших предков-гоминидов, когда они начали использовать символы для обозначения своего мира». Я думаю, что своей работой смогу, в какой-то степени, развеять сложившийся скептицизм по данному вопросу. Ведь при всей кажущейся невозможности это сделать, для решения этой задачи человеку необходимо просто «посмотреть в зеркало». Поскольку мы – современные люди во многом не изменились. Практически та же анатомия тела, а рефлексy и реакции современных homo построены, в большинстве своем, на тех же инстинктах наших предков-гоминидов. Конечно, с поправкой на некоторую рафинированность современного человека. Но все-таки: «Источником визуальных образов и абстрактных понятий, а также присвоенных им синонимов-«речевых элементов», древнему человеку(?) служило его собственное тело, его анатомические особенности, физиологические процессы организма и схожие, на взгляд наших предков, с ними процессы в неживой природе...» (Зайцев С.Г. «Некоторые стороны праязыковой теории глазами дилетанта.»). И подтверждением этому утверждению будет содержание матрицы.

Зализняк А.А. в лекции «О происхождении слов», в числе прочего, делает, на мой взгляд, осторожное предположение. Предположение о том, что в очень отдаленном прошлом, границы которого он примерно определяет 25000 лет назад, суффикс «к» был морфемой и имел свое абстрактное значение. Он так же предполагает, что суффикс «к» был скорее всего редуцированным до одной фонемы «к» словом, в дальнейшем слившимся с другими и приобретшим в конечном итоге суффиксальные признаки. Но он не допускает мысли, что отдельные фонемы имеют смысловое наполнение, каждая в отдельности, и «к» в том числе. Напротив – моим базовым предположением, переросшим в утверждение, является то, что, одинарные и парные рэ, построенные на их основе, семантически, мало того они имеют, точнее имели, на заре зарождения языка, синонимичные жестовые пары.

Картмилл в статье «Gesture» делает обобщение: «...исследования, проведенные за последние 30 лет, в подавляющем большинстве поддерживают эту комплексную точку зрения; жест и речь в настоящее время широко считаются частью одной и той же коммуникативной системы». И я думаю, что моя попытка объединения в одной таблице всех составляющих речи: жеста, образа и речевого элемента, на практике покажет их общность и подтвердит, в том числе, и точку зрения Картмилл.

Главное мое утверждение состоит в том, что одинарные рэ (их фонетические вариации) имеют смысловое наполнение как таковое. Я предполагаю, что **рэ стали своего рода набором базовых понятий, применявшихся предками для речевого кодирования окружающей действительности.** Матрица же станет сводным сборником этих понятий, заложенных в одинарные и их производные – парные рэ и стоящие за ними зрительные и абстрактные образы, а также жесты для их передачи.

Бесспорно, что языки мира богаты на различные фонемы, но я предполагаю, что все-таки праязыковой «комплект» речевых элементов был компактным и имел четкие признаки и границы. А разброс фонетического ряда в разных языках – это итог изменения «реликтовых» рэ праязыка при их адаптации к различным условиям. Но при всех вариациях изменений подобные рэ в разных языках мира и стоящие за ними образы, на мой взгляд, при рассмотрении, должны иметь общую семантику.

Как я представляю, первичное отдаление языков происходило не только за счет изменений материнского языка вследствие разделения популяций предков и последующего их удаления и изоляции от первоисточника. Этому, возможно, способствовал также и «выбор» разными группами одной популяции отличных фонетически, но на самом деле синонимичных речевых элементов при речевом кодировании одного и того же предмета или понятия. Первичное отдаление языков также могло происходить за счет выбора разными группами одной популяции «ранних» людей разных образов (признаков) одного и того же предмета. И соответственно речевое кодирование происходило также отличными рэ из уже существующих линеек речевых элементов и образов.

Список одинарных рэ, ставших основой матрицы, и их значения в международном фонетическом алфавите (IPA):

Аа(а), Ёё(э), Ее(е), Ии(и), Ёа(э), Ыы(ѣ), Уу(у), Ыү(у с умлаутом), Юю(ју), Яя(ја), Йй(ј), Вв(в), Гг(г), Кк(к), Лл(л), Мм(м), Нн(н), Пп(п), Рр(р), Сс(с), Тт(т), Çç(с), Хх(х), Чч(ч), Шш(ш).

А также: Ль[л'], Мь[м'], Нь[н'], Пь[п'], Рь[р'], Ть[т'].

Речевые элементы списка (см. выше) обозначены буквами чувашского алфавита на основе кириллицы и имеют соответствующее звучание. Набор одинарных речевых элементов матрицы я подобрал из своих представлений и не считаю его неизменным. К тому же добавил в линейку одинарных речевых элементов [л'], [м'], [н'], [п'], [р'], [т']. Поскольку считаю, что эти речевые элементы имеют своё смысловое наполнение, отличное от их не умягчённых пар, но имеющее с ними смысловую связь. Еще я выстроил речевые элементы в порядке, удобном для демонстраций их общих черт в некоторых группах.

«МАТРИЦА СООТВЕТСТВИЙ РЕЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (ИХ МОДУЛЕЙ) ВИЗУАЛЬНЫМ И АБСТРАКТНЫМ ОБРАЗАМ» (часть 1)

	Аа	Ёё	Ее	Ии	Ёа	Ыы	Уу	Ыү	Юю	Яя	Йй	Вв	Гг	Кк	Лл	Мм
Аа	АА	АЁ	АЕ	АИ	АЁ	АЫ	АУ	АҮ	АЮ	АЯ	АЙ	АВ	АГ	АК	АЛ	АМ
Ёё	ЁА	ЁЁ	ЁЕ	ЁИ	ЁА	ЁЫ	ЁУ	ЁҮ	ЁЮ	ЁЯ	ЁЙ	ЁВ	ЁГ	ЁК	ЁЛ	ЁМ
Ее	ЕА	ЕЁ	ЕЕ	ЕИ	ЕЁ	ЕЫ	ЕУ	ЕҮ	ЕЮ	ЕЯ	ЕЙ	ЕВ	ЕГ	ЕК	ЕЛ	ЕМ
Ии	ИА	ИЁ	ИЕ	ИИ	ИЁ	ИЫ	ИУ	ИҮ	ИЮ	ИЯ	ИЙ	ИВ	ИГ	ИК	ИЛ	ИМ
Ёа	ЁА	ЁЁ	ЁЕ	ЁИ	ЁА	ЁЫ	ЁУ	ЁҮ	ЁЮ	ЁЯ	ЁЙ	ЁВ	ЁГ	ЁК	ЁЛ	ЁМ
Ыы	ЫА	ЫЁ	ЫЕ	ЫИ	ЫА	ЫЫ	ЫУ	ЫҮ	ЫЮ	ЫЯ	ЫЙ	ЫВ	ЫГ	ЫК	ЫЛ	ЫМ
Уу	УА	УЁ	УЕ	УИ	УЁ	УЫ	УУ	УҮ	УЮ	УЯ	УЙ	УВ	УГ	УК	УЛ	УМ
Ыү	ҮА	ҮЁ	ҮЕ	ҮИ	ҮЁ	ҮЫ	ҮУ	ҮҮ	ҮЮ	ҮЯ	ҮЙ	ҮВ	ҮГ	ҮК	ҮЛ	ҮМ
Юю	ЮА	ЮЁ	ЮЕ	ЮИ	ЮЁ	ЮЫ	ЮУ	ЮҮ	ЮЮ	ЮЯ	ЮЙ	ЮВ	ЮГ	ЮК	ЮЛ	ЮМ
Яя	ЯА	ЯЁ	ЯЕ	ЯИ	ЯЁ	ЯЫ	ЯУ	ЯҮ	ЯЮ	ЯЯ	ЯЙ	ЯВ	ЯГ	ЯК	ЯЛ	ЯМ
Йй	ЙА	ЙЁ	ЙЕ	ЙИ	ЙЁ	ЙЫ	ЙУ	ЙҮ	ЙЮ	ЙЯ	ЙЙ	ЙВ	ЙГ	ЙК	ЙЛ	ЙМ
Вв	ВА	ВЕ	ВЕ	ВИ	ВА	ВЫ	ВУ	ВҮ	ВЮ	ВЯ	ВЙ	ВВ	ВГ	ВК	ВЛ	ВМ
Гг	ГА	ГЁ	ГЕ	ГИ	ГА	ГЫ	ГУ	ГҮ	ГЮ	ГЯ	ГЙ	ГВ	ГГ	ГК	ГЛ	ГМ
Кк	КА	КЁ	КЕ	КИ	КА	КЫ	КУ	КҮ	КЮ	КЯ	КЙ	КВ	КГ	КК	КЛ	КМ
Лл	ЛА	ЛЁ	ЛЕ	ЛИ	ЛА	ЛЫ	ЛУ	ЛҮ	ЛЮ	ЛЯ	ЛЙ	ЛВ	ЛГ	ЛК	ЛЛ	ЛМ
Мм	МА	МЁ	МЕ	МИ	МА	МЫ	МУ	МҮ	МЮ	МЯ	МЙ	МВ	МГ	МК	МЛ	ММ
Нн	НА	НЁ	НЕ	НИ	НА	НЫ	НУ	НҮ	НЮ	НЯ	НЙ	НВ	НГ	НК	НЛ	НМ
Пп	ПА	ПЁ	ПЕ	ПИ	ПА	ПЫ	ПУ	ПҮ	ПЮ	ПЯ	ПЙ	ПВ	ПГ	ПК	ПЛ	ПМ
Рр*	РА	РЕ	РЕ	РИ	РА	РЫ	РУ	РҮ	РЮ	РЯ	РЙ	РВ	РГ	РК	РЛ	РМ
Сс	СА	СЕ	СЕ	СИ	СА	СЫ	СУ	СҮ	СЮ	СЯ	СЙ	СВ	СГ	СК	СЛ	СМ
Тт	ТА	ТЕ	ТЕ	ТИ	ТА	ТЫ	ТУ	ТҮ	ТЮ	ТЯ	ТЙ	ТВ	ТГ	ТК	ТЛ	ТМ
[л']	Л'А	Л'Ё	Л'Е	Л'И	Л'А	Л'Ы	Л'У	Л'Ү	Л'Ю	Л'Я	Л'Й	Л'В	Л'Г	Л'К	Л'Л	Л'М
[м']	М'А	М'Ё	М'Е	М'И	М'А	М'Ы	М'У	М'Ү	М'Ю	М'Я	М'Й	М'В	М'Г	М'К	М'Л	М'М
[н']	Н'А	Н'Ё	Н'Е	Н'И	Н'А	Н'Ы	Н'У	Н'Ү	Н'Ю	Н'Я	Н'Й	Н'В	Н'Г	Н'К	Н'Л	Н'М
[п']	П'А	П'Ё	П'Е	П'И	П'А	П'Ы	П'У	П'Ү	П'Ю	П'Я	П'Й	П'В	П'Г	П'К	П'Л	П'М
[р']	Р'А	Р'Ё	Р'Е	Р'И	Р'А	Р'Ы	Р'У	Р'Ү	Р'Ю	Р'Я	Р'Й	Р'В	Р'Г	Р'К	Р'Л	Р'М
Çç	ÇА	ÇЁ	ÇЕ	ÇИ	ÇА	ÇЫ	ÇУ	ÇҮ	ÇЮ	ÇЯ	ÇЙ	ÇВ	ÇГ	ÇК	ÇЛ	ÇМ
ТЬ	Т'А	Т'Ё	Т'Е	Т'И	Т'А	Т'Ы	Т'У	Т'Ү	Т'Ю	Т'Я	Т'Й	Т'В	Т'Г	Т'К	Т'Л	Т'М
Хх	ХА	ХЁ	ХЕ	ХИ	ХА	ХЫ	ХУ	ХҮ	ХЮ	ХЯ	ХЙ	ХВ	ХГ	ХК	ХЛ	ХМ
Чч	ЧА	ЧЁ	ЧЕ	ЧИ	ЧА	ЧЫ	ЧУ	ЧҮ	ЧЮ	ЧЯ	ЧЙ	ЧВ	ЧГ	ЧК	ЧЛ	ЧМ
Шш	ША	ШЁ	ШЕ	ШИ	ША	ШЫ	ШУ	ШҮ	ШЮ	ШЯ	ШЙ	ШВ	ШГ	ШК	ШЛ	ШМ

(часть 2)

	Нн	Пп	Рр	Сс	Тт	[л']	[м']	[н']	[п']	[р']*	Çç	ТЬ	Хх	Чч	Шш
Аа	Ан	Ап	Ар	Ас	Ат	Аль	Амь	Ань	Апь	Арь	Аç	АТЬ	Ах	Ач	Аш
Ёё	Ён	Ёп	Ёр	Ёс	Ёт	Ёль	Ёмь	Ёнь	Ёпь	Ёрь	Ёç	ЁТЬ	Ёх	Ёч	Ёш
Ее	Ен	Еп	Ер	Ес	Ет	Ель	Емь	Ень	Епь	Ерь	Еç	ЕТЬ	Ех	Еч	Еш
Ии	Ин	Ип	Ир	Ис	Ит	Иль	Имь	Инь	Ипь	Ирь	Иç	ИТЬ	Их	Ич	Иш
Ăă	Ăн	Ăп	Ăр	Ăс	Ăт	Ăль	Ăмь	Ăнь	Ăпь	Ăрь	Ăç	ĂТЬ	Ăх	Ăч	Ăш
Ыы	Ын	Ып	Ыр	Ыс	Ыт	Ыль	Ымь	Ынь	Ыпь	Ырь	Ыç	ЫТЬ	Ых	Ыч	Ыш
Уу	Ун	Уп	Ур	Ус	Ут	Уль	Умь	Унь	Упь	Урь	Уç	УТЬ	Ух	Уч	Уш
ÛÛ	Ûн	Ûп	Ûр	Ûс	Ûт	Ûль	Ûмь	Ûнь	Ûпь	Ûрь	Ûç	ÛТЬ	Ûх	Ûч	Ûш
Юю	Юн	Юп	Юр	Юс	Ют	Юль	Юмь	Юнь	Юпь	Юрь	Юç	ЮТЬ	Юх	Юч	Юш
Яя	Ян	Яп	Яр	Яс	Ят	Яль	Ямь	Янь	Япь	Ярь	Яç	ЯТЬ	Ях	Яч	Яш
Йй	Йн	Йп	Йр	Йс	Йт	Йль	Ймь	Йнь	Йпь	Йрь	Йç	ЙТЬ	Йх	Йч	Йш
Вв	Вн	Вп	Вй	Вс	Вт	Вль	Вмь	Внь	Впь	Врь	Вç	ВТЬ	Вх	Вч	Вш
Гг	Гн	Гп	Гр	Гс	Гт	Гль	Гмь	Гнь	Гпь	Грь	Гç	ГТЬ	Гх	Гч	Гш
Кк	Кн	Кп	Кр	Кс	Кт	Кль	Кмь	Кнь	Кпь	Крь	Кç	КТЬ	Кх	Кч	Кш
Лл	Лн	Лп	Лр	Лс	Лт	Лль	Лмь	Лнь	Лпь	Лрь	Лç	ЛТЬ	Лх	Лч	Лш
Мм	Мн	Мп	Мр	Мс	Мт	Мль	Ммь	Мнь	Мпь	Мрь	Мç	МТЬ	Мх	Мч	Мш
Нн	Нн	Нп	Нр	Нс	Нт	Нль	Нмь	Ннь	Нпь	Нрь	Нç	НТЬ	Нх	Нч	Нш
Пп	Пн	Пп	Пр	Пс	Пт	Пль	Пмь	Пнь	Ппь	Прь	Пç	ПТЬ	Пх	Пч	Пш
Рр*	Рн	Рп	Рр	Рс	Рт	Рль	Рмь	Рнь	Рпь	Ррь	Рç	РТЬ	Рх	Рч	Рш
Сс	Сн	Сп	Ср	Сс	Ст	Сль	Смь	Снь	Спь	Срь	Сç	СТЬ	Сх	Сч	Сш
Тт	Тн	Тп	Тр	Тс	Тт	Тль	Тмь	Тнь	Тпь	Трь	Тç	ТТЬ	Тх	Тч	Тш
[л']	Льн	Льп	Льр	Льс	Льт	Льль	Льмь	Льнь	Льпь	Льрь	Льç	ЛьТЬ	Льх	Льч	Льш
[м']	Мьн	Мьп	Мьр	Мьс	Мьт	Мьль	Мьмь	Мьнь	Мьпь	Мьрь	Мьç	МьТЬ	Мьх	Мьч	Мьш
[н']	Ньн	Ньп	Ньр	Ньс	Ньт	Ньль	Ньмь	Ньнь	Ньпь	Ньрь	Ньçç	НьТЬ	Ньх	Ньч	Ньш
[п']	Пьн	Пьп	Пьр	Пьс	Пьт	Пьль	Пьмь	Пьнь	Пьпь	Пьрь	Пьç	ПьТЬ	Пьх	Пьч	Пьш
[р']*	Рьн	Рьп	Рьр	Рьс	Рьт	Рьль	Рьмь	Рьнь	Рьпь	Рьрь	Рьç	РьТЬ	Рьх	Рьч	Рьш
Çç	Çн	Çп	Çр	Çс	Çт	Çль	Çмь	Çнь	Çпь	Çрь	Çç	ÇТЬ	Çх	Çч	Çш
ТЬ	ТЬн	ТЬп	ТЬр	ТЬс	ТЬт	ТЬль	ТЬмь	ТЬнь	ТЬпь	ТЬрь	ТЬç	ТЬТЬ	ТЬх	ТЬч	ТЬш
Хх	Хн	Хп	Хр	Хс	Хт	Хль	Хмь	Хнь	Хпь	Хрь	Хç	ХТЬ	Хх	Хч	Хш
Чч	Чн	Чп	Чр	Чс	Чт	Чль	Чмь	Чнь	Чпь	Чрь	Чç	ЧТЬ	Чх	Чч	Чш
Шш	Шн	Шп	Шр	Шс	Шт	Шль	Шмь	Шнь	Шпь	Шрь	Шç	ШТЬ	Шх	Шч	Шш

* В чувашском языке отсутствуют слова, начинающиеся на рэ «P(R)».

Матрица будет содержать все мыслимые возможные слоговые комбинации одинарных рэ. Будут представлены как «прямые» парные рэ, так и «обратные». Например, çу и уç, ту и ут, кă и âк, что имеет важное значение для понимания принципа словообразования в языках мира. Наверное, эта схема «немного» громоздка, но такая или подобная конструкция необходима. По задумке она будет показывать взаимосвязь рэ в группах, сформированных рядами и столбцами матрицы. Некоторые ячейки матрицы, скорее всего, никогда не получат смыслового наполнения, а другие будут заполняться по мере получения новых знаний и раскрытия материала. При расшифровке значения рэ можно для наглядности изменять подсветку его ячейки в таблице и создавать соответствующее интерактивное расширение. Для удобства матрицу пришлось разбить на две части.

Теперь попробую пояснить, почему я вообще предположил, что чувашский язык можно рассматривать с точки зрения гипотетического праязыка или, точнее, гипотетический праязык можно рассматривать через призму чувашского языка. «Мюррей Гелл-Манн в 2003 году предположил, что праязык мог иметь синтаксис, свойственный многим языкам на раннем этапе – подлежащее – прямое дополнение – сказуемое (SOV). Если это

предположение верно, то можно сделать вывод, что: прилагательные стоят перед определяемым существительным; родительный падеж стоит перед определяемым существительным; функцию «предлога» выполняет «послелог» (постпозиция), поскольку стоит не перед существительным, а после. Например, вместо «Человек пошёл к широкой реке» носитель праязыка сказал бы: «Человек широкая река к пошёл» (например, как в современных тюркских языках, а также в японском, корейском и в большинстве Индо-Тихоокеанских языков)» (отрывок из Википедии). По аналогии в чувашском языке прилагательное стоит перед определяем словом. Пример: сын ури (дословно человек нога) – нога человека, кайӑк йӑви (дословно птица гнездо) – гнездо птицы, и т.д. Предложение в чувашском языке строится по такому же вышеизложенному принципу: "Сын сарлака сырма патне кайре". Дословный перевод: «человек широкой реке к пошёл». Так же, как и в предполагаемом праязыке, в чувашском языке родительный падеж стоит перед определяем существительным: «кильти вылӑх картиш» – «домашней скотины двор» или «мунча сакки сарлакӑш» – «банной скамьи ширина». То есть все свойства гипотетического праязыка характерны и для чувашского в том числе. Я также предположил, что такой же порядок слов существовал и на уровне, например, слоговых комбинаций, и, соответственно, следуя этой формуле, в парном рэ, как и в словосочетании, прилагательные стоят перед определяемым существительным. Тогда в двух фонемных рэ (словах), например, чув. «су»- рус. «масло», чув. «ту»- рус. «гора», чув. «ир»- рус. «утро», «рано» и т.д. первый одинарный рэ, как в слове «су», «с» будет определяющим рэ, а «у» определяемым и т.д. Мое предположение оказалось верным, что в дальнейшем помогло в понимании принципов словообразования в праязыке и выявления этимологий. Значения одинарных и парных рэ найдены путем анализа их взаимодействия в корпусе слов чувашского языка (в основном) и в словах некоторых других языков.

Конечно, большим эффектом обладал бы показ матрицы с максимально возможным количеством понятных мне этимологий рэ, но я буду делать это постепенно, начав с расшифровки и демонстрации нескольких. А именно в этой работе хочу показать этимологию лишь одного рэ – [л']. Это решение я принял после долгих колебаний. Во-первых, чтобы не раздувать объем статьи, а во-вторых, чтобы сохранить интригу.

Итак, все рэ и [л'] в том числе не являются конкретным предметом, понятием, действием или явлением. Они выполняют роль маркера присутствия или отсутствия у получающего речевое кодирование предмета, понятия, действия или явления, того или иного физического свойства, формы, устройства или абстрактного признака (образа). В случае с рэ [л'] его образ основан на тактильных ощущениях человека (гоминида). И он «применялся» в речевом кодировании, когда предок сталкивался с наличием у «описываемого» предмета, явления, понятия, действия свойства – «липкий», «скользкий», «маслянистый» и т.п. Конкретно [л'] могла применяться при речевом кодировании названий физиологических жидкостей организма человека (животных) таких, как сперма, секрет, кровь, жир, лимфа, сопли, слюна, слеза и т.п. и понятий, построенных на основе ассоциации с их выделением или отсутствием. Также этот рэ мог применяться при речевом кодировании чего-либо мелкодисперсного (соль, пыль, мука), воды на тающем льду, а также связанных понятий с появлением капли (времена года, название месяцев), налета на теле рыб или бабочек, мягкий пух, мех животных. На мой взгляд, само произношение рэ [л'] физиологично языком, смоченным слюной.

Примеры, когда рэ [л'] применен для речевого кодирования названий физиологических жидкостей и понятий построенных на основе особенностей организмов выделять эти жидкости.

Первым рассматриваемым словом, обозначающим физиологическую жидкость, и которое в составе имеет рэ [л'], будет чув. слово куӑсул (куӑсу[л']). – рус. слеза. Я думаю – это слово является хорошим примером демонстрации слияния слов (Зализняк А.А. лекция «О происхождении слов») в чувашском языке. А именно: куӑ су ль, где «куӑ»-рус. глаз,

«су»-рус. масло и «ль», значение которого нас интересует. Я не отрицаю возможности того, что [л'], здесь является частью какого-то редуцированного слова, присоединённого к конструкции «куссу». Но принципиально это ничего не меняет в понимании этимологии рассматриваемого рэ [л']. Дословный перевод чувашского слова «куссул» на русский язык дает такую форму- «глазного масла ль». В данном примере рэ [л'] по смыслу выделен, не обременен другими рэ и является определяемым для определяющего «куссу». «Су» является дополнением в родительном падеже и стоит перед определяемым словом (рэ) «ль». «Кус» – в словосочетании «куссу» является определением для слова «су». (я показал, что в данном примере присутствует формула SOV). Итого имеем: рэ [л'] в слове куссул – это маслянистая (на ощупь) жидкость. Допустив верность моего предположения общности семантики подобных рэ в словах разных языков мира, можно рассматривать этимологию русского слова «слеза» и родственных ему слов с этим значением в других языках, и, в частности, умягченной [л'] из состава этого слова. Фонетический состав слова слеза: [сл'иза].

Следующим примером понятия, построенного на основе ассоциации предков со способностью организмов выделять физиологические жидкости, по моему мнению, заложено в слове кил (ки[л'])- рус. «хотеть», «желать», а также «приходить», «приезжать», «прибывать». В данном понятии, на мой взгляд, присутствие рэ [л'] связано с ассоциацией предка с моментом полового возбуждения и секретом выделяемым из бартолиновой железы влагалища женщины или канала полового члена мужчины. Чув. слова кил (рус. – «хотеть») и кирлэ (рус. – «надо», «нужно»), соответственно, построены, на мой взгляд, с позиции женщины и имеют гендерную окраску. (Это необходимо объяснить). То же самое могу предположить про немецкое слово vollen(vo[l']ien) рус. «хотеть». На мой взгляд это прямая отсылка на выделяемый секрет при сильном возбуждении. Скорее всего, та же реакция организма лежит в основе понятия, отраженного финским словом aulis(au[l']is) – рус. «готовый» (к чему-либо). Я не буду пытаться строить предположения по первичной форме слова, но думаю, что в этом случае также под рэ [л'] предполагается выделяемый организмом «секрет» при готовности индивидуума к спариванию. Думаю, что этот же образ отражен при формировании понятия нем. слова lieben([l']ieben) и соответственно рус. «любить» ([л']юбить). Такие же истоки, на мой взгляд, лежат в основе английского слова (и не только) libido ([l']ibido). От лат. libido «желание, влечение», далее из libet «хочется, угодно» (восходит к праиндоевр. *leubh – «любить, желать»).

Следующее слово, где [л'], на мой взгляд, является маркером физиологической жидкости, является чув. слово хёрлэ (хёр[л']ё) -рус. красный, алый. Где «хёр» – рус. «девушка», а [л']ё это по моему предположению, менструальные выде[л']ения. Этот пример, на мой взгляд, наглядно показывает возможную логику речевого кодирования понятия «красный цвет» и демонстрирует его зрительный образ. В чувашском электронном словаре <http://samah.chv.su/s/хёрлэ> есть разбор данного слова, с которым я не согласен:

«Чăваш чĕлхин этимологи словарĕ (1964)

1. «красный», «алый»; «румяный»; 2. «рыжий»; др. тюрк., тефс. XII-XIII вв., кирг., казах., к. калп., ног., тур., тат., башк., алт. В., тув. кызыл, уйг., узб. кизил, азерб., туркм. гызыл, хак. хызыл, якут. кыһыл «красный». От глагола хёр (см.), кыз «накаливаться»; ср. русск. накалять металл докрасна.»

Я предполагаю, что все-таки омонимы соответствующих слов «хёр» и «кыз»(а так же других вариаций этого слова в тюркских языках) в словах «хёрлэ» и «кызыл» употреблены в значении «девушка», «женщина». Например [л'] сохраняется в глагольной форме слова хёрлэет (хёрлэ[л']ет)- рус. «краснеет» и отсутствует в глагольной форме слова хёрёт – рус. «накаляется».

Далее чув. слово вилэ (ви[л']ё)- рус. «умереть», «скончаться», «погибнуть». Пример: самрăкла вил – «умереть молодым». Или чув. слово вилём (ви[л']ём) – рус. «смерть», «кончина». В словах «вил» и «вилём» имеем звук [л']. А наличие в этих словах [л'], на мой взгляд, связано с сукровицей, выделяемой трупом. Но в случае насильственной смерти в

чувашиком языке используется слово «вёлёрмё» (вёл[л']ёрмё) – рус. «убивать» и присутствие в слове вёлёрмё рэ [л'] это уже маркер маслянистой жидкости, но уже именно крови (это нужно объяснять).

Немецкое слово «alles» (a[l'] [l']es) в значении «всё» в рус. языке. Предполагаю, что корни возникновения слова могут лежать как в плоскости констатации факта смерти, когда из трупа начинает выделяться сукровица, так и может быть связано с моментом эякуляции. И скорее всего последнее.

Рус. слово «мальчик». Древнерусское – «мальць».

Слово «мальчик» впервые встречается в словарях в XVIII в. Мальчик – «ребенок или подросток мужского пола». В слове также имеем [л'] которая также, на мой взгляд, является маркером физиологической жидкости, в данном случае незрелой спермы (нужно пояснить).

Рус. слово «сопли» (соп[л']и) – разг., сниж. слизь, выделившаяся из ноздри, также имеет в составе рэ [л'], которая исходя из семантики слова, также может являться маркером свойства физиологической жидкости. Как и рус. слово слизь (с[л']изь), которое в русском языке является объединяющей понятийной единицей для жидкостей с определенными свойствами.

Примеры, когда применение рэ [л'] является маркером присутствия в «описываемом» понятии маслянистого, скользкого, липкого налета:

Рус. название насекомого «моль» (мо[л']) имеющего маслянистое на ощупь покрытие тельца и крыльев. В этом слове рэ [л'] может отражать как этот признак, так и признак присутствия мелкодисперсного порошка- результата жизнедеятельности насекомого. Я считаю, что в словообразовании чувашского слова лёпёш ([л']ёпёш) – рус.бабочка, присутствует тот же описательный момент, а именно учитывается маслянистое на ощупь покрытие тельца и крыльев насекомого.

Налим (на[л']им) и линь([л']инь) – пресноводные рыбы, очень скользкие, за счет покрывающего их тела налета. На мой взгляд присутствующая в словах [л'] является маркером этого свойства.

Примеры, когда [л'], на мой взгляд, является признаком повышенной жирности рыбы:

«форель» (форе[л']), «уклейка» (ук[л']ейка), «лещ» ([л']ещ), «омуль» (ому[л']), «кефаль» (кефа[л']), «пелядь» (пе[л']ядь), «дельфин» (де[л']фин), «сельдь» (се[л']дь).

Примеры, когда рэ [л'], по моему предположению, является маркером мелкодисперсного вещества, меха, пуха:

чув. слово «шил» (ши[л'])- рус. ветер, где ши- рус. «верх», «вершина» «верхняя часть», «поверхность» и [л']. Этот пример к вопросу о месте проживания предков чуваш. Я предполагаю, что понятие природного явления «ветер» и употребленного в слове [л'] ассоциировалось у предка с поднятой пылью (?), песком (?), снегом с вершин гор(?). На мой взгляд, слово также может служить примером слияния слов: ши и [л']. Составляющая рэ [л'] по смыслу выделен, не обременен другими рэ и является определяемым для ши. Чув. слово «кёл» (кёл[л']) – рус. «зола» (?), «пепел» (?). Чув. слово «кил» (ки[л']) – рус. «дом». Предполагаю, что рэ [л'] в слове «кил» «может быть» мехом шкур животных, применяемых при строительстве жилища, или первоначально просто меховая подстилка. Думаю, что чув. слово «кил» – рус. «дом» и слово рус. «жилище», в его части – «жи[л']» родственны, и не только семантически. Предположу, что в словах «соболь» (собо[л']), «ковыль» (ковы[л']), «тополь» (топо[л']), при их речевом кодировании так же отражено их определенное физическое свойство.

Примеры, когда рэ [л'], в подтверждение семантике слова, является маркером чего-то липкого, тягучего: чув. слово «вёлле»(вёл[л'] [л']е) и имеющее то же значение в русском языке слово «улей» (ул[л']ей). Эти слова имеют в составе рэ [л'], являющийся соответствующим маркером присутствия вещества, с соответствующим свойством, а именно мёда. Чув. слово «кёвёл» (кёвёл[л'])-рус. «свернуться, скиснуть при помощи закваски» (о молоке). Русские слова «липнуть» ([л']ипнуть), «скользко» (ско[л']зко) и т.д.

Теперь чув. слово хёвёл (хёвё[л']) – солнце. Я предполагаю, что присутствие речевого элемента [л'] в этом слове связано с представлениями наших далеких предков о мироустройстве, а именно с фаллическим представлением о солнце.

Это немного, что я привел в пример для демонстрации использования предками рэ [л'] в речевом кодировании. Без демонстрации этимологий остальных речевых элементов и их взаимодействия друг с другом количество приведенных примеров не важно.

Предполагаю, что у гоминид понятия «хотеть», «желать», «готов» передавалось «жестом» – показ языка, пальца, смоченного слюной, или каким-либо другим способом с демонстрацией слюны.

Речевой элемент [л'] стал первым, получившим образ, и место в матрице. Подводя итог работы, я анонсирую дальнейший показ образов других рэ и, соответственно, заполнение следующих ячеек матрицы.

* Под редакцией автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцев, С.Г. Некоторые стороны праязыковой теории глазами дилетанта // PHILOLOGY. Научное обозрение. 2023. – № 1(43).
2. Зализняк, А.А. О происхождение слов. Лекция // Youtube/ (23 июня.) <https://www.youtube.com/watch?v=6XxAUWFt1wY>. Просмотрено 12.06.2023.
3. Картмилл, Э.А. Жест. Ежегодный обзор антропологии // Annual Reviews. 2022. – № 51. – С. 445-473.
4. Электронный чувашский словарь: Электронлă сăмахсар. – Чебоксары. – Режим доступа: <https://samah.chv.su/> (дата обращения: 20.05.2023).

REFERENCES

1. Zaytsev S.G. *Nekotoryye storony prayazykovoy teorii glazami diletanta* [Some aspects of the proto-linguistic theory through the eyes of an amateur]. PHILOLOGY. 2023. no 1(43) (In Russ.).
2. Zaliznyak A.A. *O proiskhozhdeniye slov. Lektsiya* [About the origin of words. Lecture]. Youtube. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=6XxAUWFt1wY> (accessed on 12.06.2023) (In Russ.).
3. Kartmill E.A. *Zhest. Yezhegodnyy obzor antropologii* [Gesture. Annual Review of Anthropology]. Annual Reviews. 2022. no 51. pp. 445-473 (In Russ.).
4. *Elektronnyy chuvashskiy slovar': Elektronlă sămakhsar* [Electronic Chuvash dictionary: Electronic sămahsar]. Cheboksary. Available at: <https://samah.chv.su/> (accessed on 20.05.2023) (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 18.07.23

**MATRIX OF CORRESPONDENCES OF SPEECH ELEMENTS
(ITS MODULES) TO VISUAL AND ABSTRACT IMAGES**

(Demonstration of the project)

Etymology of a single speech element [л']

S.G. Zaitsev,

(railway station Shental), Russian Federation

E. mail: zsg13061964@gmail.com

***Abstract.** This work is a logical continuation of the article "Some aspects of the proto-linguistic theory through the eyes of an amateur". In the article, I put forward a number of theses, promising their further disclosure. One of the theses is the thesis about the presence of semantic content of phonemes such as *a, b, v, z*, etc. To denote them, I use the term "speech element" (hereinafter referred to as *pə*). In the article, I also promised to demonstrate the etymology of these *pə*, including their visual or abstract images and, if possible, the gestures by which they were transmitted. All these data, in the future, I'm going to summarize in one table, with the draft of which I intend to familiarize the reader in this work.*

***Keywords:** the base of concepts, visual and abstract images, primary distancing of languages, "The matrix of correspondences of speech elements (its modules) to visual and abstract images".*

УДК 8

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

А.П. Сидоренко, аспирант
Волгоградский государственный университет,
(400062, Россия, Волгоград, просп. Университетский, 100)
Email: nastyaenglish@mail.ru

***Аннотация.** Автор анализирует основы компетентностного подхода в школьном образовании. Сравниваются понятия «компетенция» и «компетентность». Рассматриваются задачи современного образования.*

***Ключевые слова:** компетентностный подход, школьное образование, социум, национально-культурные особенности.*

Исследования вопроса соизучения культуры и языка обусловлены большим интересом методистов к их взаимосвязи. Несмотря на наличие целого ряда научных работ, исследования продолжают оставаться недостаточно разработанными в общетеоретическом плане и в прикладных аспектах.

В современной методике обучения иностранным языкам вопросы со-изучения языка и культуры все чаще описываются с позиций социокультурной компетенции. Понятие «социокультурная компетенция» прочно вошло в теорию и практику преподавания иностранных языков. Отсутствие навыков социокультурной компетенции может значительно затруднить процесс общения.

Система образования в России кардинально меняется. Такие качества личности, как мобильность, целеустремленность, решительность, ответственность, способность усваивать и применять знания в незнакомых ситуациях, способность выстраивать успешную коммуникацию с другими людьми становятся востребованными. Ученые и педагоги стремятся решить проблемы, которые возникают в связи с новыми переменами.

В связи с интеграцией России в единое европейское образовательное пространство усиливается процесс модернизации российской школьной системы образования. В результате этого процесса меняются цели, задачи и содержание обучения иностранным языкам в школе.

Естественно, что продуктивное использование языка требует формирования всех ключевых компетенций обучающихся, в первую очередь коммуникативной и социокультурной.

Необходимо прилагать все усилия для того, чтобы развивать социокультурную составляющую, так как появляется проблема возможности диалога культур, знания или незнания особенностей менталитета народа, язык которого ты учишь, для обеспечения толерантности и безопасности общения для обеих сторон. Важно заложить в детях интерес к изучению и пониманию культуры стран изучаемого языка, ведь это обогащает личность обучающихся социокультурными знаниями. Они получают возможность впитать в себя и использовать в жизни опыт, мудрость и оригинальность иной культуры. Включение социокультурного компонента при обучении учащихся английскому языку в общеобразовательной школе служит для формирования у обучающихся целостной картины мира через приобщение к его культурному наследию, воспитания патриота своей страны и гражданина мира, расширения объема знаний обучающихся в различных видах деятельности: аудировании, чтении, письме и говорении.

Таким образом, если в учебный процесс включить социокультурный компонент на основе использования элементов национально-культурных особенностей и осуществить интенсификацию учебно-воспитательного процесса путём использования новых методов и приёмов обучения, совершенствования учебных умений и навыков самостоятельной работы, групповых форм сотрудничества, то содержание обучения обучающихся английскому языку будет более эффективным, ориентированным на их личностные установки.

В свете современных тенденций обучение иностранным языкам предполагает интегративный подход, соответственно в образовательном процессе необходимо не только развивать умения иноязычного речевого общения, но и решать задачи воспитательного, культурного, межкультурного и прагматического характера. В условиях, когда от образования требуют подготовки целостной, вариативно мыслящей, креативной личности, способной управлять информацией и обладающей обширными коммуникативными умениями и навыками, обучающиеся, вступая в социокультурное взаимодействие с представителями других культур, испытывают трудности в понимании смысла коммуникации в силу несформированности умения пользоваться информацией, пропуская ее через свой культурный опыт.

Выделяют 3 этапа становления компетентностного подхода в образовании:

первый этап – в научный аппарат введена категория «компетенция», созданы предпосылки разграничения таких понятий, как компетенция и компетентность.

второй этап – в теории и практике обучения иностранному языку используются такие категории, как компетенция и компетентность, формируется профессионализм в управлении, в обучении общению. В этот период ученые исследуют компетенции, выделяя от 3 до 37 их видов.

третий этап – развитие компетентностного подхода, значим тем, что в документах, материалах ЮНЕСКО очерчивается круг компетенций, которые уже должны рассматриваться всеми как желаемый результат образования (Зеер, Павлова, Сыманюк 2005: 65).

Компетентностный подход – это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов (Байденко 2004: 176). К числу таких принципов относятся следующие положения:

– смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся.

– содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, нравственных, мировоззренческих, политических и иных проблем.

– смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у учащихся опыта самостоятельного решения познавательных, организационных, коммуникативных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования.

– оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых учащимися на определённом этапе обучения (Байденко 2004: 126).

С позиций компетентностного подхода формирование ключевых компетентностей у учащихся становится основным результатом образовательной деятельности. Термин «компетенция» (в переводе с латинского – соответствие, соразмерность) имеет два значения: круг полномочий какого-либо учреждения или лица; круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом (Ожегов 1936: 93). В одной из педагогических дискуссий по

вопросам компетентностного подхода было предложено следующее определение: компетентность – это способность действовать в ситуации неопределённости (Болотов, Сериков 2003: 43).

Общеобразовательная школа не в состоянии сформировать уровень компетентности учащихся, достаточный для успешного решения проблем во всех сферах деятельности. Целью школы является формирование ключевых компетентностей. Под ключевыми компетентностями понимаются способности учащихся самостоятельно действовать в ситуации неопределённости при решении актуальных для них задач (Галямина 2005: 42).

Уроки иностранного языка – благодатная почва для формирования всех ключевых компетенций, а не только предметно-коммуникативных. Для формирования самостоятельной личности, умеющей оперировать полученной информацией, в ходе каждого урока необходимо обеспечивать возможность самообразования, саморазвития и самовыражения в ходе овладения теми или иными знаниями. При этом учебный материал необходимо организовать таким образом, чтобы каждый ученик имел возможность выбора при выполнении заданий.

Общие цели школьного образования должны быть согласованы в учебной программе. Учитель должен в соответствии с программой планировать учебный процесс, определять темы уроков, опираясь на изложенные в ней требования и задачи. Для достижения нового качества образования необходимы изменения в учебных программах. В связи с этим выделяются некоторые подходы к составлению учебных программ – традиционный (программы по предметам разрабатываются независимо друг от друга, связи между ними представлены на уровне выделения общих понятий) и компетентностный (программы по отдельным предметам рассматриваются как элементы образовательной программы школы).

Внутри компетентностного подхода можно выделить два основных понятия: «компетенция» и «компетентность». В ходе анализа работ по проблемам компетентностного подхода можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует однозначное понимание понятий «компетенция» и «компетентность», часто используемых в одинаковом контексте. По мнению А.Г. Бермуса: «Компетентность представляет собой системное единство, интегрирующее личностные, предметные и инструментальные особенности и компоненты». М.А. Чошанов полагает, что компетентность – это «не просто обладание знаниями, а постоянное стремление к их обновлению и использованию в конкретных условиях». А.М. Аронов определяет компетентность, как «готовность специалиста включиться в определенную деятельность», П.Г. Щедровицкий – как «атрибут подготовки к будущей профессиональной деятельности». О.Е. Лебедев определяет компетентность как «способность действовать в ситуации неопределенности». И.А. Зимняя трактует компетентность «как основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека». А.В. Хуторской различает понятия «компетенция» и «компетентность», предлагая их следующие определения:

– компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним.

– компетентность – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности.

Одной из основных задач современного образования является достижение нового, современного качества образования, под которым понимается ориентация на развитие личности учащегося, его познавательных и созидательных способностей. В состав ключевых компетенций должны войти универсальные компетенции, овладение которыми необходимо учащемуся для дальнейшего обучения, собственного развития, жизненной самореализации, независимо от уровня его обучения, развития и профессии, которую он выберет. Список

компетенций воспроизводит некий перечень основных видов деятельности человека. Одной из центральных проблем для обновления содержания образования является проблема отбора универсальных компетентностей.

На основе главных целей общего образования А.В. Хуторской определяет перечень универсальных образовательных компетенций:

- ценностно-смысловые компетенции. Это компетенции в сфере мировоззрения, связанные с ценностными ориентирами учащегося, его способностью понимать окружающий мир.

- общекультурные компетенции. Учащийся должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности в вопросах национальной и общечеловеческой культуры.

- учебно-познавательные компетенции. Это совокупность компетенций учащегося в сфере самостоятельной познавательной деятельности, которая включает элементы логической, методологической, общеучебной деятельности, соотнесенной с реальными познаваемыми объектами.

- информационные компетенции. При помощи реальных объектов и информационных технологий формируются умения самостоятельно искать, анализировать и отбирать необходимую информацию, организовывать, преобразовывать, сохранять и передавать ее.

- коммуникативные компетенции. Включают знание необходимых языков, способов взаимодействия с окружающими и удаленными людьми.

- социально-трудовые компетенции. Владение знаниями и опытом в сфере гражданско-общественной деятельности, в социально-трудовой сфере, в сфере семейных отношений и обязанностей.

- компетенции личностного самосовершенствования. Направлены на освоение способов физического, духовного и интеллектуального саморазвития (Хуторской 2002: 149).

Обучение иностранному языку в школе преследует основную цель: развитие иноязычной коммуникативной компетенции учащихся на уроках иностранного языка, то есть овладение иностранным языком как средством общения. Коммуникативная компетенция в современной методике определяется как «способность соотносить языковые средства с задачами и условиями общения с учётом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразностью высказывания» (Гез 1985: 37). Она относится к предметным компетенциям, т.е. компетенциям, формирующимся в рамках учебных предметов.

Предметные компетенции вторичной языковой личности (Халеева 1989: 57) представляют собой четко разработанную систему, поскольку в течение нескольких десятилетий последовательно исследуется отечественными и зарубежными лингводидактами. В концепции Совета Европы «Современные языки: изучение, обучение, оценка» выделяются два вида компетенций по иностранному языку:

- общая компетенция авербального уровня, представленная совокупностью знаний, умений и навыков, которые позволяют человеку осуществлять речевую деятельность. Этот вид компетенции у разных авторов называется энциклопедической, социокультурной, когнитивной и пр. (Астафурова 1997: 45; Гез 1984: 76; Мильруд 2000: 87; Эж 1992: 112).

- коммуникативная компетенция вербального уровня, представленная совокупностью умений и навыков, необходимых для выполнения коммуникативных задач и включающая языковую, социолингвистическую, прагматическую составляющие.

Термин «компетенция», используемый в лингвистике и методике преподавания иностранных языков, был введен Н. Хомским в 1965 г. (Chomsky 1967: 139) при разграничении понятий компетенция (потенциальное знание языка его носителем) и перформация (реальное умение порождения речи). Термин «коммуникативная компетенция» был впервые использован социолингвистом Д. Хаймсом в более широком, чем у Н.

Хомского, понимании. По его мнению, она является «одним из аспектов человеческой компетенции, обеспечивающей получение и переработку информации» (Hymes 1972: 89). Д. Хаймс утверждал, что «есть правила использования языка, без которых грамматические правила бесполезны», поскольку нужно не только знать грамматику языка, но и понимать, что сказать, кому и при каких обстоятельствах.

В 80-е годы вопросами формирования и развития коммуникативной компетенции занимались следующие исследователи: Д. Браун, Л. Бахман, М. Канале и М. Свейн, С. Савиньон и другие. Американская исследовательница С. Савиньон определяет компетенцию как предположительную основную деятельность, а перфомацию – как практическое применение этой способности. Компетенция – это то, что мы знаем; перфомация – то, что мы делаем. По мнению Б. Дугласа, компетенция – это «фундаментальные знания системы языка – его грамматики, лексики, всех частей языка и как эти части собрать вместе», а перфомация – это «само действие – говорение, письмо, или понимание – слушание, чтение языковых единиц» (Douglas 2000: 190). С. Страйкер рассматривает коммуникативную компетенцию в иностранном языке как «способность общаться с носителями языка в реальных жизненных ситуациях» (Striker 1997: 17).

М. Канале и М. Свейн в структурном отношении выделили 4 компонента коммуникативной компетенции: грамматическую, социолингвистическую, сужденческую и стратегическую, приравнивая грамматическую и сужденческую компетенции к использованию языка. Грамматическая компетенция включает знания о структуре языка. Сужденческая компетенция заключается в способности удачно связывать предложения для коммуникативных и риторических целей, образуя связанный рассказ, тогда как последние два компонента коммуникативной компетенции описывают употребление языка. Социолингвистическая компетенция заключается в способности использовать язык соответственно данной ситуации, а стратегическая компетенция относится к способности использовать предложения, перефразировки и подстановки, чтобы преодолеть недостаток знания языка и понимания (Canale, Swain 1980: 113).

Ян Ван Эк разработал одну из последних теоретических моделей коммуникативной компетенции человека, выделив следующие ее компоненты: лингвистическую, социолингвистическую, дискурсивную, социальную, социокультурную компетенции (Van Ek 1992: 87).

Согласно анализу зарубежных лингводидактических исследований, коммуникативная компетенция является сложным, полифункциональным свойством человека, имеющим в основе способность общаться устно и письменно с носителем конкретного языка в реальной жизненной ситуации и предполагает наличие целого комплекса компонентов: лингвистического (правильное употребление лингвистических форм на иностранном языке), социолингвистического (умение взаимодействовать с собеседником), социокультурного (умение организовать общение с учетом правил, норм и традиций речевого и неречевого поведения в стране изучаемого языка, дискурсивного (способность связывать одно высказывание с другим в ситуации устного / письменного общения, логически излагать свои мысли), стратегического (способность преодолевать лингвистические трудности общения, используя при этом компенсирующие средства (перифразу, жесты, мимику), социального (способность и готовность к общению с другими) (Bachmanet Palmer 1987: 87; Germen 1982: 187; Lussier 1992: 38; Колесникова, Долгина 2001: 76).

Важным вопросом формирования компетенций является ее знаниевое содержание. Компетенции не могут быть сведены лишь к фактическим знаниям или к деятельностным умениям. Возникает вопрос, каким должен быть минимум, который следует знать всем молодым людям к окончанию школы, какие элементы истории, искусства, литературы, науки и технологии надо включить в образование, чтобы обеспечить понимание сегодняшней ситуации, реалий жизни и способность адекватной деятельности, которые востребованы сегодня. Знания не могут оставаться академическими, этот вопрос следует решать с

помощью освоения ключевых компетенций.

Современный этап развития лингвистики характеризуется усилением внимания к иностранному языку как особому знанию о мире, что привело к объединению исследований таких научных дисциплин как методика, культурология, лингвистика и этнопсихология, объектом изучения которых становится межкультурная коммуникация, условия и закономерности формирования «вторичной языковой личности» (Халеева 1989: 45).

В рамках данной проблематики осуществляется поиск путей для организации взаимосвязанного обучения языку и культуре. При помощи иностранного языка, который способен описать всё, мы узнаем о структуре сознания. Поэтому именно в языке всегда проступают пробелы в знании чужой страны и ее культуры. Как правило, из-за ограниченности времени, учащиеся школ лишены возможности погрузиться в атмосферу культуры, обычаев, традиций, социальных норм страны изучаемого языка. Учащиеся с трудом могут понять носителей языка, а в их речи прослеживаются как грамматические, так и поведенческие ошибки.

Избежать этого поможет изучение иностранного языка с одновременным изучением культуры этого языка, т.е. формирование социокультурной компетенции. Социокультурная компетенция – явление комплексное и состоит из лингвострановедческого, социолингвистического, социально-психологического и культурологического компонентов. Формирование социокультурной компетенции необходимо начинать с первых же занятий. Сюда могут входить тексты, сосредоточенные на разговорной речи во всех ее основных сферах, детализирующие самые распространенные бытовые ситуации; тщательно отобранные примеры, раскрывающие основные ценности и понятия культуры изучаемого языка, а также включающие образцы правильного и неправильного использования лексики, фразеологии и грамматики данного языка. Одним из источников могут служить тексты публицистического характера, т.к. именно в них отображается не только события, происходящие в стране и мире, но и лексика, которая используется носителями языка для обозначения этих явлений.

Социокультурная компетенция предполагает:

- осознание того, что язык является не только средством познания и общения, но и формой социальной памяти, «культурным кодом нации», развитым умением сопоставлять факты языка и факты действительности;
- умение видеть культурный фон, стоящий за каждой языковой единицей;
- знание культуры, истории, традиций, обычаев своего народа;
- умение обнаружить регионально значимые лексемы и понимать их роль в тексте (Аркатова 2012: 49).

Исходя из специфики возрастных особенностей учащихся, Ариян М.А. выделяет следующие задачи, связанные с развитием социокультурной компетенции в общеобразовательной школе. Задачи, направленные на совершенствование качеств самого обучаемого:

1. Осознание себя в мире, в своей культуре, осознание того, что обучаемый является частью своей культуры;
2. Доброжелательность ко всем людям, независимо от расы, национальности, вероисповедания, положения в обществе, личностных свойств;
3. Понимание неприкосновенности человеческой жизни, доброта, милосердие;
4. Широта познавательных интересов, стремление и способность к самообразованию;
5. Осознание ценности общения для установления взаимопонимания, в том числе между людьми (народами) – носителями различных языков и культур.

Задачи, связанные с оптимизацией взаимодействия обучаемого с окружающим миром:

1. Умение принимать приемлемый в социокультурном плане способ речевого и неречевого поведения в условиях межкультурной коммуникации;
2. Социокультурная наблюдательность, способность строить общение в соответствии с особенностями ситуации и собеседника;
3. Осознание причастности к происходящему в семье, классе, школе, городе, стране, мире;
4. Осознание взаимосвязанности, целостности всего мира и необходимости объединения усилий народов для решения глобальных проблем человечества (Ариян 2008: 67).

Для решения перечисленных задач и формирования социокультурной компетенции у старшеклассников потребуется такая организация педагогического процесса, при которой каждый из учащихся осознает себя активным субъектом деятельности, чей творческий потенциал востребован окружающими. Это может быть достигнуто, если используемые приемы обучения иностранным языкам:

- способны «погрузить» обучаемого в социальную среду, искусственную или естественную, обеспечить возможность выхода за границы учебной языковой среды;
- могут основываться на актуальном содержании, имеющем социальное звучание;
- имеют «открытый» характер, поощряя различные подходы к решению проблем;
- обеспечивают опыт общения, взаимодействия и широкого поиска информации;
- стимулируют коммуникативно-познавательную деятельность, активное межличностное общение как условие решения задач социального характера;
- препятствуют «истощению» мотивации к изучению иностранного языка, особенно на старшем этапе, за счет «встроенности» в социокультурный контекст стран изучаемого языка (Ариян 2008: 82).

Развитие иноязычной социокультурной компетенции играет особую роль в современном мире, где нередко обостряются межнациональные отношения. Иноязычная социокультурная компетенция предполагает готовность и умение жить и взаимодействовать в современном поликультурном мире.

Обучение иностранному языку даёт большую возможность научить учащихся быть толерантными, уважать других людей, жить в мире и дружбе со всеми народами. Формирование иноязычной социокультурной компетенции у старшеклассников играет огромную роль в воспитании патриотов своей страны. Когда учащийся знает, ценит и уважает культуру, обычаи, традиции, язык других стран и народов, когда он с гордостью может представить культуру и традиции своего народа или региона, где он живёт, ни о какой враждебности, конкуренции или превосходстве не может быть и речи.

Изучение английского языка формирует в сознании человека культуру мира через сравнение и сопоставление языковых явлений, обычаев, традиций, искусства, образа жизни народов. Изучая английские пословицы, например, мы сравниваем, как одна и та же мысль передается разными средствами в разных лингвокультурах. Обучение иностранному языку способствует формированию поликультурной языковой личности, владеющей как родным, так и иностранными языками. Её характеристики включают три аспекта – ценностный, познавательный, поведенческий. Ценностный аспект включает этические и утилитарные нормы поведения, отражающие историю и мировосприятие людей, объединенных культурой и языком; к познавательному или когнитивному аспекту относят свойственную данной личности картину мира, к поведенческому – специфический набор речевых характеристик и паралингвистических средств общения. Содержание иноязычной социокультурной компетенции относится не только к процессу овладения практическим иностранным языком как средством общения, но и реализуется в освоении специальных теоретических знаний, относящихся к теории языка, и к теоретическим дисциплинам, а именно лингвокультурологии, лингвострановедению, психологии межкультурного общения, т.е. в

процессе получения языкового образования. Можно владеть языком как средством общения, но не ориентироваться в общем межкультурном контексте иноязычного общения, не иметь сформированных знаний об истории, традициях страны изучаемого языка, этнокультурных обычаях, ритуалах, символах. Владение иностранным языком предполагает наличие данных знаний, следовательно, языковое образование в целом, обеспечивающее формирование поликультурной языковой личности, должно охватывать все стороны такой подготовки старшеклассника общеобразовательной школы.

Необходимость социокультурного образования средствами иностранного языка постепенно становится аксиомой, так как обучение общению на иностранном языке предполагает овладение социокультурными знаниями и умениями, без которых нет практического овладения языком. Формирование иноязычной социокультурной компетенции на занятиях иностранного языка подразумевает обогащение лингвистических, эстетических и этических знаний старшеклассников о стране изучаемого языка. Необходимо обратить внимание на культурное невербальное поведение, чтобы научить учащихся избегать неадекватного или оскорбительного для другого народа невербального поведения. Так в Англии жест из двух пальцев, указательного и среднего, поднятых вверх имеет два противоположных значения. Если тыльная сторона ладони повернута к собеседнику, это ужасное оскорбление, а если же она повернута к себе, то это первая буква слова «victory» (победа). Если в наших учебных заведениях готовый отвечать ученик или студент тянет руку, то в европейских школах поднимают указательный палец правой руки.

Предмет «иностраный язык» не только знакомит с культурой, традициями, обычаями стран изучаемого языка, но путём сравнения оттеняет особенности своей национальной культуры, знакомит с общечеловеческими ценностями.

В настоящее время возникает вопрос о приобщении личности к мировой культуре, о приближении образовательного уровня к европейскому стандарту, о владении не менее чем двумя иностранными языками. С усилением взаимодействия цивилизаций чётко обозначается процесс массового внедрения обучения иностранным языкам, в ходе которого должны быть заложены прочные основы, необходимые человеку для участия в диалоге культур.

По мнению Н.Д. Гальсковой, в содержание обучения иностранному языку необходимо включить:

- сферы коммуникативной деятельности, темы и ситуации, речевые действия и речевой материал, учитывающие профессиональную направленность студентов;
- языковой материал (фонетический, лексический, грамматический, орфографический), правила его оформления и навыки оперирования им;
- комплекс специальных (речевых) умений, характеризующих уровень практического овладения иностранным языком как средством общения, в том числе интеркультурных ситуациях;
- систему знаний национально-культурных особенностей и реалий страны изучаемого языка (Гальскова 2000: 91).

Овладение иностранным языком и его использование предполагает формирование знаний социокультурных особенностей носителей изучаемого языка. Социокультурный компонент в содержании обучения иностранному языку играет огромную роль в развитии личности учащегося, так как дает возможность не только ознакомиться с наследием культуры страны изучаемого языка, но и сравнить его с культурными ценностями своей страны, что способствует формированию общей культуры учащегося. Главным является не воспитание с позиции норм и ценностей страны изучаемого языка и не зазубривание фактов, а умение сравнивать социокультурный опыт народа, говорящего на изучаемом языке, с собственным опытом. Использование культурной и страноведческой информации в процессе обучения обеспечивает повышение познавательной активности учащихся, способствует развитию их коммуникативных возможностей.

Ряд исследований по данной проблеме послужил стимулом определения и внедрения социокультурного компонента в содержание обучения иностранному языку. И.Л. Бим говорит о необходимости включать в содержание обучения элементы языковой культуры народов, говорящих на изучаемом языке и страноведческие сведения применительно к ситуациям общения. В рамках данного подхода речь идёт о необходимости насыщения предметного содержания речи страноведческих материалов с ориентацией на диалог культур. Достаточно полно социокультурный компонент реализован в подходе З.Н. Никитенко, где обозначены все составляющие данного компонента:

–языковые знания, включающие безэквивалентную и фоновую лексику, а также знания национальной культуры (национальные реалии и этикет);

–навыки и умения речевого и неречевого поведения (Никитенко 1994: 19).

Усвоение содержания национально-культурного компонента в обучении иностранному языку – основное условие приобщения учащихся к культуре страны, язык которой они изучают, а именно ознакомление их с народом, традициями и обычаями данной страны.

Развитие иноязычной социокультурной компетенции играет особую роль в современном мире, где нередко обостряются межнациональные отношения, где большое значение имеют патриотическое и интернациональное воспитание. Иноязычная социокультурная компетенция предполагает готовность и умение жить и взаимодействовать в современном многокультурном мире.

При помощи иностранного языка, который способен описать все, мы узнаем о структуре сознания. Поэтому именно в языке всегда проступают пробелы в знании чужой страны и ее культуры. Как правило, из-за ограниченности времени, учащиеся школ лишены возможности погрузиться в атмосферу культуры, традиций, обычаев и социальных норм страны изучаемого языка. И неудивительно, что учащиеся по окончании школы едва могут понять носителей языка, а их речь изобилует как грамматическими, так и поведенческими ошибками.

Избежать этого поможет изучение иностранного языка с одновременным изучением культуры этого языка. Социокультурная компетенция – явление комплексное и состоит из лингвострановедческого, социолингвистического, социально-психологического и культурологического компонентов. Социокультурная компетенция подразумевает знакомство учащегося с национально-культурной спецификой речевого поведения и способностью пользоваться теми элементами социокультурного контекста, которые релевантны для порождения и восприятия речи с точки зрения носителей иностранного языка: обычаи, нормы, правила, социальные условности, страноведческие знания и др.

Овладение иностранным языком тесно связано с овладением национальной культурой, которая предполагает усвоение культурологических знаний, формирование способности и готовности понимать ментальность носителей изучаемого языка, а также особенности коммуникативного поведения народа этой страны. Одной из основных задач современного образования является достижение нового, современного качества образования, под которым понимается ориентация на развитие иноязычной социокультурной компетенции личности учащегося, его познавательных и созидательных способностей. Социокультурный компонент в содержании обучения иностранному языку дает возможность ознакомиться с наследием культуры страны изучаемого языка, сравнить его с культурными ценностями своей страны, что способствует формированию общей культуры учащегося.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемов, В.А. Психология обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение, 1969.
2. Гурвич, П.Б. Теория и практика эксперимента в методике преподавания иностранных языков. – Владимир: ВГПИ, 1980.

3. Елизарова, Г.В. О природе социокультурной компетенции. Слово, предложение и текст как интерпретирующие системы. *Studia Linguistica* 8. – СПб.: Тригон, 1999.
4. Кабакчи, В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: Изд. РГПУ, 1998. – 232 с.

REFERENCES

1. Artemov V.A. *Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam* [Psychology of teaching foreign languages]. Moscow. Prosveshchenie. 1969 (In Russ.).
2. Gurvich P.B. *Teoriya i praktika eksperimenta v metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Theory and practice of experiment in the methodology of teaching foreign languages]. Vladimir. 1980 (In Russ.).
3. Yelizarova G.V. *O prirode sotsiokul'turnoy kompetentsii. Slovo, predlozheniye i tekst kak interpretiruyushchiye sistemy. Studia Linguistica* 8 [About the nature of socio-cultural competence. Word, sentence and text as interpretive systems. *Studia Linguistica* 8]. SPb. 1999 (In Russ.).
4. Kabakchi V.V. *Osnovy angloyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Fundamentals of English-language intercultural communication]. SPb. RGPU publ. 1998. P. 232 (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 19.06.23

THE TASKS OF MODERN EDUCATION IN THE STUDY OF THE COMPETENCE APPROACH IN SCHOOL EDUCATION

A.P. Sidorenko, Postgraduate
Volgograd State University,
(400062, Russia, Volgograd, University Avenue, 100)
Email: nastyaenglish@mail.ru

Abstract. *The author analyzes the basics of the competence approach in school education. The concepts of "competence" and "competence" are compared. The problems of modern education are considered.*

Keywords: *competence approach, school education, society, national and cultural characteristics.*

УДК 8

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ
АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ШКОЛЕ**

М.С. Киселева, магистрант
Балтийский федеральный университет имени И. Канта
(236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14)
Email: mariemarie@gmail.com

***Аннотация.** Методика обучения иностранному языку не представляет содержания обучения английскому языку без включения социокультурного компонента в процесс обучения. В свете современных требований к целям обучения иностранного языка меняется статус и роль страноведческой информации, представленной таким образом, чтобы соответствовать опыту, потребностям и интересам учащихся и быть сопоставленной с аналогичным опытом их ровесников в стране изучаемого языка.*

***Ключевые слова:** эксперимент, методика, образование, школьники.*

Экспериментальное обучение проводилось в течение 4-х месяцев и включало в себя три этапа, в течение которых у учащихся старших классов общеобразовательной школы формировались и развивались навыки иноязычной социокультурной компетенции.

Первый этап обучения – подготовительный, констатирующий срез. Целью констатирующего этапа обучения являлось выявление исходного уровня сформированности иноязычной социокультурной компетенции учащихся 10-х классов на данном этапе, а также их отношение к обучению с использованием текстов, содержащих информацию о стране изучаемого языка, истории, традициях и культуре.

Второй этап – опытное обучение, целью которого являлось формирование знаний о реалиях иноязычной культуры у учащихся, формирование практических навыков и умений извлечения социокультурной информации из текста, развитие умения вербализовать информацию, т.е. способность порождать речевые сообщения на основе прочитанного текста, высказывать свое отношение к рассмотренной теме на иностранном языке; выяснить степень эффективности разработанной методики и системы упражнений.

Третий этап – итоговый срез, который заключался в сопоставительном анализе данных опытного обучения и оформлении выводов, где была поставлена цель: проанализировать данные опытного обучения; сделать объективные выводы об эффективности предлагаемой методики.

Для проведения опытного обучения и анализа его результатов использовались следующие методы исследования: наблюдение за процессом поэтапного развития социокультурной компетенции учащихся 10-х классов общеобразовательной школы; изучение методической литературы, а также отечественных и зарубежных учебников. В соответствии с общей гипотезой исследования была сформулирована гипотеза опытного обучения: если в конце опытного обучения уровень сформированности социокультурной компетенции окажется более высоким, чем на первом этапе обучения, то это будет свидетельствовать о преимуществе, практической ценности и эффективности предлагаемой модели.

Мы определили две группы, максимально идентичные по составу (возраст, пол) и по уровню владения навыками иноязычной социокультурной компетенции.

В начале первого этапа обучения проводился констатирующий срез с целью получения сведений об исходном уровне сформированности иноязычной социокультурной компетенции учащихся, включающего знания реалий иноязычной культуры, владение навыками извлечения информации из текста, а также навыками вербализации информации.

На этом этапе мы использовали текст «Culture and traditions in Great Britain».

If you're staying in London for a few days, you'll have no difficulty whatever in finding somewhere to spend an enjoyable evening. You'll find opera, ballet, comedy, drama, review, musical comedy and variety. Most theatres and music-halls have good orchestras with popular conductors. At the West-End theatres you can see most of the famous English actors and actresses. As a rule, the plays are magnificently staged – costumes, dresses, scenery, everything being done on the most lavish scale.

The last half of the XVI and the beginning of the XVII centuries are known as the golden age of English literature, it was the time of the English Renaissance, and sometimes it is even called «the age of Shakespeare».

Shakespeare, the greatest and most famous of English writers, and probably the greatest playwright who has ever lived, was born in Stratford-on-Avon. In spite of his fame we know very little about his life. He wrote 37 plays. Among them there are deep tragedies, such as Hamlet, King Lear, Othello, Macbeth, light comedies, such as The Merry Wives of Windsor, All's Well That Ends Well, Twelfth Night, Much Ado About Nothing.

If we look at English weights and measures, we can be convinced that the British are very conservative people. They do not use the internationally accepted measurements. They have conserved their old measures. There are nine essential measures. For general use, the smallest weight is one ounce, then 16 ounce is equal to a pound. Fourteen pounds is one stone.

The English always give people's weight in pounds and stones. Liquids they measure in pints, quarts and gallons. There are two pints in a quart and four quarts or eight pints are in one gallon. If we have always been used to the metric system therefore the English monetary system could be found rather difficult for us. They have a pound sterling, which is divided into twenty shillings, half-crown is cost two shillings and sixpence, shilling is worth twelve pennies and one penny could be changed by two halfpennies.

С целью проверки умения вербализовать информацию использовалось устное резюмирование тематического текста с последующей беседой по теме.

Для проведения итогового среза был подобран текст «The British people».

Englishmen tend to be rather conservative, they love familiar things. They are hostile, or at least bored, when they hear any suggestion that some modification of their habits, or the introduction of something new and unknown into their lives, might be to their advantage. This conservatism, on a national scale, may be illustrated by reference to the public attitude to the monarchy, an institution which is held in affection and reverence by nearly all English people.

Great Britain has given lots of prominent people to the world, but one of the noblest and most famous men was William Shakespeare. He was a famous English poet and playwright. William Shakespeare was born in 1564 in a small English city Stratford-upon-Avon. All in all he wrote more than 37 plays, 154 sonnets, two long poems and a great number of other poems.

Britain is supposed to be the land of law and order. Part of the British sense for law and orderliness is a love of precedent. For an Englishman, the best of all reasons for doing something in a certain way is that it has always been done in that way. The English sense and feeling for privacy is notorious. England is the land of brick fences and stone walls (often with glass embedded along

the top), of hedges, of thick draperies at all the windows, and reluctant introductions, but nothing is stable now. English people rarely shake hands except when being introduced to someone for the first time. They hardly ever shake hands with their friends except seeing them after a long interval or saying good-bye before a long journey. The British people are the world's greatest tea drinkers. They drink a quarter of all the tea grown in the world each year. Many of them drink tea on at least eight different occasions during the day.

Choose the right variant:

William Shakespeare was born in

A. 1561

B. 1563

C. 1564

D. 1568

English people rarely ... except when being introduced to someone for the first time.

A. shake hands

B. say «Hello»

C. smile

Answer the questions:

Why is Great Britain the land of law and order?

Do Englishmen like tea?

How often do Englishmen drink tea?

С целью проверки умения вербализовать информацию использовалось устное резюмирование данного текста с последующей беседой по теме.

Для сопоставления данных мы сравнили результаты констатирующего и итогового срезов в двух группах по окончании опытного обучения.

Согласно данным констатирующего и итогового срезов в экспериментальной группе, знания реалий иноязычной культуры увеличились на 40 %, навыки извлечения социокультурной информации из текста – на 38 %, умения вербализовать полученную информацию на 41 %, т.е. в среднем на 40 %. В контрольной группе соответствующие результаты возросли в меньшей степени: на 26 %, 23 % и 25 %, т.е. в среднем на 26 %.

Анализ итогов экспериментального обучения показал, что предложенная модель развития социокультурной компетенции учащихся позволяет добиться значительных результатов в повышении уровня сформированности знаний о реалиях иноязычной культуры, практических навыков и умений извлечения социокультурной информации из текста, а также уровня сформированности умения вербализовать полученную информацию.

Таким образом, анализ результатов экспериментально обучения подтвердил его гипотезу: обучение иноязычной социокультурной компетенции учащихся 10-х классов более эффективно, если его организовать с использованием предлагаемой модели, опирающейся на формирование знаний реалий иноязычной культуры, формирование практических навыков и умений извлечения социокультурной информации из текста, а также на развитие умения вербализовать полученную информацию.

Анализ итогов обучения показал, что при помощи предложенной модели развития социокультурной компетенции учащихся старших классов общеобразовательной школы удалось добиться значительных результатов в повышении уровня сформированности знаний о реалиях иноязычной культуры, практических навыков и умений извлечения социокультурной информации из текста, а также уровня сформированности умения вербализовать полученную информацию.

Современное обучение иностранному языку невозможно без привития учащимся иноязычной культуры. Большинство методистов уделяют особое внимание современному состоянию теории и практики обучения иностранным языкам с ярко выраженной

коммуникативной направленностью, что способствует всестороннему развитию личности, развитию духовных ценностей учащихся. Методика обучения иностранному языку не представляет содержания обучения английскому языку без включения социокультурного компонента в процесс обучения. В свете современных требований к целям обучения иностранного языка меняется статус и роль страноведческой информации, представленной таким образом, чтобы соответствовать опыту, потребностям и интересам учащихся и быть сопоставленной с аналогичным опытом их ровесников в стране изучаемого языка.

В современной школе необходимо преподавание иностранного языка в неразрывной связи с национальной культурой. Иноязычная культура, содержащая в себе социокультурные факторы, способствует становлению коммуникативной личности, повышению мотивации учения. Социокультурный компонент выступает в качестве стимула повышения эффективности обучения учащихся на всех этапах общеобразовательной школы.

Результаты экспериментального обучения, в ходе которого проверялась гипотеза исследования о возможности использования газетных текстов для формирования знаний, умений, способностей и качеств личности, составляющих социокультурную компетенцию учащихся, позволили сделать вывод о том, что в условиях отсутствия языковой среды газетный текст, как источник социокультурной информации, может использоваться в качестве материала для формирования социокультурной компетенции и, кроме того, позволяет удовлетворить познавательные потребности учащихся старшей ступени обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов, Э.Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Бердичевский, А.Л. Оптимизация процесса обучения иностранному языку. – М.: Высшая школа, 1989.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990.
4. Мильруд, Р.П. Основные способы стимулирования речемыслительной деятельности на иностранном языке. *Иностр. языки в школе*. – 1996. – № 6.
5. Штульман, Э.А. Основы эксперимента в методике обучения иностранным языкам. – Воронеж: ВУ, 1971.

REFERENCES

1. Azimov E.G., Shchukin A. N. *Slovar' metodicheskikh terminov* [Dictionary of methodological terms]. SPb. 1999. 472 p. (In Russ.).
2. Berdichevskiy A.L. *Optimizatsiya protsessy obucheniya inostrannomu yazyku* [Optimization of the process of learning a foreign language]. Moscow. 1989 (In Russ.).
3. Vereshchagin Ye.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura: lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Linguistics in teaching Russian as a foreign language]. (In Russ.).
4. Mil'rud R.P. *Osnovnyye sposoby stimulirovaniya rechemyslitel'noy deyatel'nosti na inostrannom yazyke. Inostr. yazyki v shkole* [The main ways to stimulate speech-thinking activity in a foreign language. Foreign languages at school]. 1996, no 6 (In Russ.).
5. Shtul'man E.A. *Osnovy eksperimenta v metodike obucheniya inostrannym yazykam* [Fundamentals of the experiment in the methodology of teaching foreign languages]. Voronezh. 1971 (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 10.06.23

EXPERIMENTAL MODEL OF TEACHING ENGLISH AT SCHOOL

M.S. Kiseleva, Master's Degree Student
Immanuel Kant Baltic Federal University
(236041, Russia, Kaliningrad, st. Alexander Nevsky, 14)
Email: mariemarie@gmail.com

***Abstract.** The methodology of teaching a foreign language does not represent the content of teaching English without the inclusion of a socio-cultural component in the learning process. In the light of modern requirements for the purposes of teaching a foreign language, the status and role of country-specific information is changing, presented in such a way as to correspond to the experience, needs and interests of students and be compared with the similar experience of their peers in the country of the language being studied.*

***Keywords:** experiment, methodology, education, schoolchildren.*

УДК 80

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА. ЗНАЧИМОСТЬ
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ЕЕ ФОРМИРОВАНИИ**

П.А. Александрова, доктор филологических наук, доцент
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(400131, Россия, г. Волгоград, проспект им. В.И. Ленина, 27)
Email: alexpol@mail.ru

***Аннотация.** В символике народов цвета играют чрезвычайно важную роль. Велика роль цветообозначений в формировании языковой картины мира. В данной статье анализируется роль и значения колороморфов в различных культурах.*

***Ключевые слова:** колороморфы, культура, цветовосприятие, язык.*

Знание о цветовой окрашенности предметов, окружающих человека, и формирующих его психику, его внутренний мир является одним из важнейших элементов человеческого знания о мире. В системе языка цветковые прилагательные представляют наиболее структурированный фрагмент лексического строя, в течение многих десятилетий привлекающий внимание исследователей различных направлений гуманитарных наук. В собственно лингвистических исследованиях цветолексики основное внимание уделяется значительности роли номинаций цвета в формировании языковой картины мира, его концептуализации и месту цветовой лексики в процессах познания. Несмотря на значительное число работ, посвященных изучению цветковых прилагательных в различных ракурсах, их изучение не потеряло своей актуальности.

Наряду с субъективным восприятием цвета индивидуумом существует и интерсубъективность в отношении к различным цветам. В этом случае мы имеем дело с символикой цвета. Способность отдельных цветов выступать в качестве символа чего-либо связана с особенностями взаимодействия цвета с сознанием и ощущениями человека. Говоря о символике цвета, следует отметить, что существует мнение, согласно которому, «цвета играют информативную роль в окружающей среде и поэтому стали общими символами для обозначения различных понятий и явлений». Цветовая символика обладает способностью меняться от языка к языку, от одного языкового сообщества к другому: «Своя символика есть у каждого народа-носителя языка. С каждым языком связываются определенные представления, впечатления, чувства». Роль цвета в символике различных народов велика. Цвет воздействует на психику человека, поэтому в языках и культурах многих народов определенные цвета имеют символическое значение. В этом проявляются как универсальные черты, свойственные всем языкам, так и специфические особенности, отличающие их друг от друга. Среди основных источников возникновения цветовой символики исследователь Л.Г. Бедоидзе выделяет следующие: конкретные условия быта и окружающего мира, обычаи и традиции народа, религиозные воззрения данного конкретного языкового сообщества и политические взгляды. Большое значение в становлении системы цветообозначений имеет различная потребность людей в обозначении разных групп тонов, связанная с частотой

проявления оттенков цветов в окружающей природе и с практическими нуждами языкового коллектива. Важную роль в этом играют также и отличия в ассоциативном восприятии мира представителями различных национальностей и культурно-исторических эпох.

Цветовое восприятие мира нашло свое отражение в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологических единиц непосредственно связано с формированием метафорических значений у цветоименований, а на появление метафорических значений прилагательных-цветообозначений решающее влияние оказала символика цвета. “В символике народов цвета играют чрезвычайно важную роль. Различие оптических их эффектов, отзывающееся чувствительным образом на настроении и расположении духа, неоспоримое влияние цветов на психическую сферу человека, контраст между светлыми и темными цветами, интенсивность и энергичная живость красного цвета в противоположность к слабости и неопределенности синего и фиолетового – все эти моменты, которыми человек пользовался для символизирования и метафорического оживления своих созерцаний, ощущений и представлений”. Велика роль цветообозначений и в формировании языковой картины мира. Как совершенно справедливо утверждает исследователь А.К. Башарина, “цвета играют большую роль в формировании языковых картин мира, поскольку с каждым цветом у разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения.

Особый интерес вызывает попытка польской исследовательницы А. Вежбицкой найти для фокусных цветов “естественные прототипы из окружающей среды”. Она выявила ассоциативную связь между черным и ночью, белым и днем. Очевиден и выбор аналогов для синего и зеленого: это – небо и растительность. Так, во многих языках, в том числе и в русском, для обозначения зеленого цвета служат слова, морфологически или этимологически связанные с обозначением травы, растений или растительного мира в целом. Подобные примеры можно найти и для синего цвета, так, в родном для исследовательницы польском языке слово *niebieski* (светло-синий) происходит от слова *niebo* (небо).

На основе глубокого анализа обозначений цвета в разных языках А. Вежбицкая пришла к заключению, “что цветовые концепты связаны с определенными “универсальными элементами человеческого опыта” и что эти универсальные элементы можно грубо определить как день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля” [Вежбицкая 1997: 283].

Цвет всегда был связан со многими ремеслами. Обширными были не только области применения цвета, но и научные его изыскания. Благодаря этому нам известно многое о цвете из физики и оптики, а также физиологии и теории восприятия. Не случайно, что при изучении цвета в лингвистике ученые обращаются к понятиям и терминам, заимствованным из других наук, опираются на сведения о феномене цвета, полученные из смежных дисциплин, а также данные об его источниках, распространении и значении в тех или иных областях культуры, искусства и промышленности, об особенностях использования цветовых характеристик разных объектов в различных сферах человеческого бытия. Если рассматривать цвет с точки зрения физического подхода, то определение цвета в физике (согласно световой теории Ньютона) сводится к тому, что каждый цвет представляет собой световую волну, имеющую определенную длину. Таким образом, цвет – это световой поток, который при пересечении с поверхностью какого-либо объекта преломляется или разлагается на множество оттенков, составляющих цветовой спектр, каждый из которых отличается своей длиной волны.

Начало научной рефлексии относительно феномена цветового значения Нового времени можно отнести к трактату И.В. Гёте “О цвете” и к его тезису о “чувственно-нравственном действии цвета”. Это утверждение противоречит мнению физиков о природе цвета. Если цвета наделены значениями, т.е. несут некое психологическое содержание, их изучение требует выхода за пределы строго механистического каузального подхода, сформулированного в классической физике.

Волновая теория происхождения цвета явилась основой для непрекращающихся споров о том, что первично: цвет или свет и существует ли цвет в природе вообще или это только отражательная способность поверхностей, окружающих человека объектов. Дж. Лакофф в своей работе “Женщины, огонь и опасные вещи”, например, придерживается той точки зрения, что цвета в объективном мире вообще нет. По его мнению, цвет – это субъективная категория, которой не существует в природе: “...было бы ошибочным утверждать, что присущие человеку категории объективно существуют “в мире”, внешнем по отношению к человеческим существам. Например, цветовые категории детерминированы одновременно и объективным материальным миром, и особенностями биологии человека, и человеческим мышлением, и культурными факторами”.

Физиологический (нейрофизиологический) подход уходит корнями в физический подход и тесно связан как с ним, так и с физиологией и нейрофизиологией человека – строением его мозга и зрительных органов. В рамках этого подхода цвет тоже понимается как световой поток, который в виде светового луча, пересекаясь с сетчаткой глаза и хрусталиком, работающим как призма, раскладывается на определенную цветовую гамму и фокусируется в разных зонах коры головного мозга. Считается, что в коре головного мозга есть четыре цветовых зоны, которые нейрофизиологически запрограммированы. Это зоны красного, желтого, зеленого и синего цветов, то есть любой человек с самого рождения способен воспринимать и различать эти цвета. Это объясняется тем, что “цветовое пространство, как перцептивное, так и семантическое, жестко детерминировано структурой сенсорного механизма, определяющего восприятие цвета четырьмя системами предетекторов: красно-зеленого, сине-желтого, яркости и темноты”.

Важно также иметь в виду то, что цветовое зрение формируется в разных климатических условиях и при разном образе жизни. Поэтому даже древний человек понимал, что один и тот же объект при дневном и ночном освещении будет иметь разную цветовую окраску. Это отличие цветовосприятия обуславливается на уровне нейрофизиологии. При очень низкой освещенности человек может различить только крупные формы.

Цвет становится интересным предметом рассмотрения и в области философии. В своей работе “Человеческое познание” Б. Рассел рассматривает понятие минимального словаря, который должен структурно составлять более сложные образования, то есть все наше знание могло бы быть выражено с помощью слов, обозначающих простые элементы. Мы могли бы различать в мире так называемый материал и его структуру. [Б. Рассел, 2000:12]. Цветовые термины используются автором в качестве примера особого атрибута материи. Он рассматривает значение слова “красный”, определяя его как оттенок цвета, лежащий в определенной части спектра, как некий диапазон волн и как волны с определенными длинами. Прибегая к таким определениям цвета, Рассел указывает, что их точность иллюзорна, так как определение цвета через длину волны никак не связано с ощущением. Названия цветов употреблялись в течение многих тысячелетий до изобретения волновой теории света. Сам автор для четкого определения цвета предлагает ввести пространственно-временной аспект. Другими словами, различие в оттенках цветов, согласно его точке зрения, зависит от пространственно-временного положения цветового пятна в зрительном поле наблюдающего. По его мнению, не может быть двух идентичных оттенков цвета, так как один и тот же оттенок не может существовать в двух областях одного зрительного поля с равной степенью удаленности от его центра.

В психологии наиболее часто рассматривается символическая природа цвета, как это представлено при феноменологическом подходе. Во все времена ученые пытались разгадать проблему цвета. Последние научные исследования в этой области показали, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор – у каждого свой, именно поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, а воспринимать его совершенно по-разному. Это объясняет, почему существуют различия в

реакциях на цвет в разных культурах: например, green (зеленый) в США ассоциируется с понятием безопасности, а во Франции – преступления, во многих германских языках данный цвет имеет значение “веселье”, как это доказано в специальных исследованиях. Следовательно, цветовой язык ментален по своей природе: за определенным цветом люди видят определенные смыслы. Отправным в психосемантике цвета является тезис о существовании у цветов естественных (натуральных) значений, природа которых представляется во многом загадочной, а источники находятся вне культурно-исторического поля.

По наблюдениям ученых, по мере развития и обогащения человеческого опыта происходило развитие и обогащение системы цветообозначений. Можно назвать различные источники ее пополнения. В истории мировой культуры можно выделить несколько периодов, когда накопление цветоименований в европейских языках происходило наиболее активно. Особое место занимает при этом период научно-технической революции и последующего развития промышленности, в частности, ткацкой и красильной, когда создавались множество новых оттенков цвета неизвестных и невозможных до того момента, что, как результат, повлекло обогащение цветовой терминологии.

Начиная с шестнадцатого века, активным источником развития цветообозначений стала литература, особенно поэзия, где создание различных поэтических образов требовало все новых и новых наименований, в том числе и цветowych. М.А. Бородинa и В.Г. Гак справедливо отмечают, что “расширение словаря цветообозначений было вызвано также эстетическими потребностями развивающейся литературы, в первую очередь поэзии, создавались поэтические синонимы общеупотребительных цветowych терминов...” [Бородинa, Гак 1979]. В ходе дальнейшего развития художественной речи постепенно увеличилось богатство цветowych выражений, обозначающих различные нюансы одного и того же цвета. “Если представить само развитие колоризма в литературе в виде графика, то кривая оказывается волнообразной, с большими падениями и подъемами, и все же неуклонно стремящейся вверх; причем высшими точками подъема этой кривой является эпоха романтизма и особенно конец XIX века и начало XX веков” [Мичугина 2005: 138]. Таким образом, достижения в разных областях деятельности человека в отмеченный период отразились в количественном и качественном составе лексики европейских языков.

Еще одним источником обогащения лексики цветообозначений явились литературные заимствования из некоторых языков. “...Известно, что французский язык XVII века “снабдил” многие европейские языки словами культурного слоя, включающими и термины цвета” [Василевич 2003: 13]. Другая волна заимствований произошла в конце XIX века в связи с влиянием французской моды на Европу; оказала влияние на этот процесс и торговля с Востоком, в результате которой были заимствованы имена цвета, образованные от названий масти лошадей. Так, например, из тюркского языка в русский пришли такие цветообозначения, как чалый, чагравый, каурый, мухортый, из иранского – бурый, из монгольского – халтарый, халюный, халваный [Дыбо 2007: 15-16].

Особенностью данной тематической группы слов признается то, что в отличие от других объединений слов, где нередко даже сама тематическая классификация представляет несомненную трудность, они имеют непосредственное соотношение с экстралингвистической реальностью – цветowym спектром. Термин “цвет” можно рассматривать с двух точек зрения: 1) совокупность всех видимых оттенков и 2) конкретный оттенок. Если совместить термины “психология”, “семантика” и “цвет”, то получится наука, изучающая “душевное значение” отдельных оттенков цвета и цвета как целого. Основная проблема психосемантики цвета распадается на два тесно связанных теоретических аспекта: 1) вопрос о роли восприятия цвета для человека (онтология и прагматика) и 2) исследование структуры конкретных цветowych значений (семантика и семиотика цвета).

В психологии наиболее часто рассматривается символическая природа цвета, как это представлено при феноменологическом подходе. Как говорил Л. Витгенштейн, “цвет

побуждает нас философствовать” [Витгенштейн 1996: 57]. Во все времена ученые пытались разгадать проблему цвета. Последние научные исследования в этой области показали, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор – у каждого свой, именно поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, а воспринимать его совершенно по-разному. Это объясняет, почему существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах: например, green (зеленый) в США ассоциируется с понятием безопасности, а во Франции – преступления, во многих германских языках данный цвет имеет значение “веселье”, как это доказано в специальных исследованиях. Следовательно, цветовой язык ментален по своей природе: за определенным цветом люди видят определенные смыслы [Ананьев 1969: 105].

Отправным в психосемантике цвета является тезис о существовании у цветов естественных (натуральных) значений, природа которых представляется во многом загадочной, а источники находятся вне культурно-исторического поля. Мысль о существовании особых значений цветов не принадлежит психологам. В той или иной форме эта мысль встречается в древнеиндийских, алхимических, мистических, религиозных текстах; она воплощена в ритуальной практике всех религий и связанном с ней прикладном искусстве (иконы, орнамент, символическое письмо); проявилась в многочисленных схемах цветового символизма в практике традиционной восточной медицины, магии, астрологии и т.п.

Главная методологическая предпосылка психосемантического подхода состоит в том, что наличие и специфика цветовой семантики отражают бытие человека в мире, контакт субъекта с миром, обеспечивая адекватное отражение объективной реальности на различных уровнях репрезентации субъекту образа этой реальности. Но в настоящее время цвет принято рассматривать не как свойство вещей, а как субъективное ощущение. Это требует ввести второе онтологическое допущение – о существовании цвета не только в форме субъективных ощущений и образов, но и как объективного аспекта реальности, предметного свойства объектов. В психосемантике цвета данный феномен последовательно рассматривается как один из атрибутов объективной действительности [Гегель, 1977; Гёте, 1920; Schechtel, 1943; Рубинштейн, 1973; Свасьян, 1983], несводимый к характеристикам субъективного ощущения. Вместе с тем цвет рассматривается не в аспекте закономерностей цветоразличения, как это принято в психофизиологии или колориметрии [Стивенс, 1960; Ивенс, 1964; Пэдхем, Сондерс, 1978; Соколов, Измайлов, 1984; Шашлов, 1986 и др.], а в аспекте доступности его интерпретации, в его соотнесенности с неперцептивными категориями, такими как физиологические реакции, эмоции, чувства, идеи, установки, морально-этические категории, т.е. так, как он столетиями рассматривался художниками.

Проблема цвета в последние десятилетия активно разрабатывается в различных сферах научного знания. Особое внимание данной проблеме уделяется в лингвистике. Лингвисты, занимаясь изучением слов-цветообозначений, рассматривают их в разных аспектах. В частности, имена цвета изучаются: а) с точки зрения их происхождения; б) с точки зрения их семантического развития; в) в русле исторической лексикологии; г) в плане сопоставления по различным параметрам русских наименований цвета с цветообозначениями в других языках – родственных и неродственных; д) в других, кроме русского, языках, например, западноевропейских; е) с позиции теоретической семантики. Но при всем многообразии работ и подходов к изучению имен цвета, имеется целый ряд лакун, которые еще предстоит заполнить.

Уровень развития современной лингвистической науки, новые данные, получаемые в ходе ее развития, позволяют внести определенные коррективы в историю отдельных, уже изучавшихся ранее другими исследователями, обозначений черного и белого цветов, предложить новые гипотезы относительно происхождения ряда цветообозначений. Но, чтобы предложить эти гипотезы относительно восприятия этих цветов в различных языках и культурах, следует обратиться к психологическому аспекту цвета, так как лингвистика и

психология неразрывно связаны. Итак, согласно психолингвистике, цвет влияет на физиологические системы человека, активизируя или подавляя их деятельность, цвет создает то или иное настроение, внушает определенные мысли и чувства. Воздействие цвета можно разделить на физиологическое, психологическое и эстетическое; этими факторами обусловлены цветовые ассоциации, семантика и символика цвета. Несмотря на очевидные связи с человеческой нейрофизиологией, значения названий цвета (как и значения обозначений эмоций) представляют собой артефакты культуры. Ведь они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию конкретно национального характера. Цветовая палитра рассматривается как один из смысловых параметров, имеющий содержательное значение для организации поиска значимых (вербальных и невербальных) компонентов в содержательно интегративных художественных текстах. Понимание значения цвета и умение установить его культурные и эмоциональные коннотации имеют огромное значение для системного семантического анализа художественного текста, поскольку цвет и цветовые сочетания помогают воспринять тональность сообщения, его суть, а также вызвать нужную реакцию читателя.

К основным психосемантическим характеристикам цветоразличения относят тон, светлоту (яркость) и насыщенность, заимствованные из физики. Главный компонент – тон (основной цвет), зависимые компоненты – насыщенность, яркость. Любое имя цвета содержит указание на цвет в собственном смысле, но нет таких имен цвета, которые бы содержали информацию о яркости или насыщенности без указания относительно тона. Из выводов, приведенных П.В. Яньшиным в книге “Эмоциональный цвет”, следует, что наиболее привлекательными цветами с положительным значением считаются цвета средней яркости и насыщенности, а предпочтение их выбора напрямую зависит от того, светлый он или темный [П.В. Яньшин, 1997:120]. Очевидно, что цвет – это не только свет, которого должно быть достаточно, это еще и мнение, а значит функция многих переменных, а не одной лишь длины волны. Цветообозначение, возможно, в большей мере, чем какая-либо сфера языка, антропоцентрично и этноцентрично – оно имеет некое специфическое измерение в языке, релевантное в аспекте коммуникативной значимости.

Цветообозначения представляют собой, по терминологии Пирса, “образные иконические знаки”, характеризующиеся “фактическим подобием означаемого и означающего”. Лексемы типа “черный”, “белый” и т. д. относятся к базовым категориям человеческого мышления и содержат такое количество информации об объекте или явлении, которого оказывается достаточно для большинства ситуаций, в которых человек с ними встречается [Р.М. Фрумкина, 1990:87].

В лингвистических исследованиях существуют различные подходы к определению цветообозначений. Проанализированная нами лингвистическая литература позволяет сделать вывод о том, что можно выделить шесть основных направлений изучения цветообозначений: функциональный, исторический, лексико-семантический, грамматический, когнитивный и сопоставительный.

Функциональный подход. В настоящее время существуют многочисленные исследования, посвященные описанию функционирования цветообозначений в художественных текстах, например: Тойшибаева 1990; Губенко 1999; Лысоиваненко 2001; Лукьяненко 2004; Меньчева 2004 и др. Это связано с тем, что цветопись является одним из неотъемлемых элементов идиостиля писателя, поэта. Цветообозначения помогают авторам раскрывать идею произведения, создавать определенный эмоциональный настрой, рисовать образы героев. В рамках данного подхода цветообозначения могут рассматриваться как интенсификаторы выразительности и образительности речи и соотноситься с рядом тропов и стилистических фигур, являющихся актуализаторами прагматики высказывания.

Исторический подход предполагает исследование истории отдельных слов и групп слов, называющих цвет, изучение процесса формирования групп цветообозначений, а также их состава в тот или иной период развития языка. Кроме того, ученых стала интересовать

проблема поиска семантического первоэлемента, позволяющего детально описать историю семантики цветowych слов. По нашему мнению, знать историю изучаемой группы слов, их происхождение необходимо, потому что такие знания являются основанием, на котором базируются современные теории концептуального изучения цветowych слов.

Лексико-семантический подход обращает внимание на современное состояние системы цветообозначений: рассматриваются процессы развития семантической структуры отдельных цветов, формирование дополнительных к основному образных, символических значений у цветообозначений, становление лексико-семантических групп цветowych слов. Это позволяет на основании общности значений распределить цветowych слова по группам, а также выявить цветообозначения, употребленные в художественной речи в прямом и переносном значении.

Грамматический подход предполагает рассмотрение морфологических и синтаксических особенностей цветообозначений. Знание морфологической, синтаксической специфики указанной группы слов позволит в некоторых случаях определить, в какой образной функции будет реализован колоратив.

Когнитивный подход тесно связан с семантическим и через него выводит исследователей в круг проблем ментальной осмысленности цвета.

Сопоставительный подход позволяет получить информацию о сходстве или различии цветowych спектров разных языков, о национально-специфических, лингвокультурных особенностях цветообозначений, о понятийных моделях видения мира, моделях интерпретации мира в отдельных языках. Обозначенный подход является продолжением когнитивного, и целесообразен в кругу сегодняшнего интереса к эффективному межкультурному сотрудничеству. Помимо уточнения семантики конкретных терминов цвета или построения систем цветообозначения в разных языках, цветоименования активным образом привлекались в качестве материала для работы в таких областях, как отработка методов выделения семантических полей, этимология и история языка, проблемы языка и мышления, проблемы детской речи.

Среди перцептивных признаков, зафиксированных человеком в ходе концептуализации и категоризации мира, на первое место по своей значимости выдвигаются зрительные, визуальные признаки, а среди них важное место занимают признаки цвета.

Категория цвета в английском языке является динамичной и постоянно развивающейся. Расширение категории происходит как по определенным семантическим, так и словообразовательным моделям. Роль цветообозначений в лексиконе современного английского языка определяется также их местом в дефинициях слов нецветовой лексики, когда цветообозначения выполняют идентифицирующую или классифицирующую функцию внутри самой дефиниции.

Базовые цветообозначения занимают особое место в общей системе цветообозначений английского языка. Они выполняют огромную словообразовательную роль, так как входят в качестве основы в многочисленные производные и сложные по структуре прилагательные цвета в английском языке. Базовые термины цвета чаще всего выполняют идентификационную и классифицирующую функцию при лексикографическом описании цветowych характеристик различных объектов.

Вся совокупность цветообозначений в английском языке может быть представлена в виде денотативного пространства со строгой системой его организации. Денотативное пространство прилагательных цвета формируется вокруг ядерных центров, выраженных базовыми цветообозначениями. Каждое из них образует свое субпространство с нечеткими размытыми границами и переходными зонами. Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке членится на одиннадцать зон, представленных в языке неравномерно. Практически равное соотношение имеют зоны прилагательных цвета yellow (16 %), brown (13 %), red (13 %), white (13 %), blue (12 %), grey (11 %), следующую же ступень занимают зоны прилагательных green (6 %), black (5 %), pink (5 %) и практически

точечное доленое положение имеют зоны прилагательных orange (3 %) и purple (3 %), что ставит под сомнение их полновесный статус как базовых терминов цвета, выделяемых в английском языке.

В русском же языке, по мнению многих исследователей наименований цвета, к гамме основных следует причислить ещё и голубой цвет. Группа основных цветообозначений состоит из 12 цветов. Для обозначения синего цвета существует два основных названия – синий и голубой. Вполне понятно, что есть ряд универсальных явлений, связанных с общечеловеческой картиной мира. Однако нельзя забывать и о наличии национальных особенностей, присущих только данной культурной общности людей.

Лингвисты единодушно признали значительно более позднее происхождение слова синий по сравнению со словом голубой. Согласно словарю Фасмера, русск. синий восходит к др.-инд. śūmās “темный, черный”. Действительно, на ранней стадии развития языка понятия “черный” и “синий” не различались, хотя слово “синий” и имело достаточно узкую сочетаемость (водные источники и некоторые природные явления). Светлый оттенок синего цвета, напротив, был весьма распространен. Становилась очевидной потребность в названии светло-синего оттенка словом, не связанным на прямую с термином синий. Вследствие чего стали появляться слова, выражающие голубые оттенки.

Рассматриваемые нами черный и белый цвета относятся к базовым цветоименованиям как в русском, так и в английском языках, так как они относятся к основной системе цветообозначений, поскольку являются многозначными, характеризуются высокой частотностью и широкой сферой употребления, символическим значением, отсутствием внутренней формы и односоставностью.

Восприятие цвета и его оценка – это явление субъективное, связанное не только с оптическими характеристиками самих оттенков цвета, но и с психофизиологическими процессами, происходящими при этом. Но в данном случае – цвета. Семантическая структура названий цвета выступает как “совокупность значений неоднородных по степени отвлеченности и степени семантической значимости, характер связи и зависимости, который устанавливается между основным (цветовым) значением и переносным”. Все цвета разделяются на ахроматические и хроматические. Цвета, которые не имеют собственно “цветовых” признаков, то есть не обладающие цветовым тоном, называются ахроматическими. Основными среди данных цветов будут белый и черный. Цвет, имеющий хотя бы ничтожный, еле уловимый красноватый, зеленоватый, синеватый или какой-либо иной оттенок, уже считается хроматическим. Это красный, зеленый, синий и желтый цвета. Слова-цветообозначения, выражающие жизненно необходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетаемостным потенциалом. В силу своей семантической природы они привносят во фразеологизмы эмоционально-экспрессивное качество и образность. Прилагательные-цветообозначения характеризуются древним происхождением, семантическим богатством и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений. Способность цветообозначений сочетаться при создании фразеологических единиц с большим количеством слов свидетельствует об особой семантической продуктивности этой группы лексем. Не вызывающим сомнение фактом является направление развития спектра значений у слово-цветообозначений от конкретного к абстрактному, от признаков, присущих предмету, обладающему каким-либо цветом, к оценочным характеристикам таких реалий, которые могут в принципе и не совмещаться с самим понятием цвета. Широкое использование названий цвета в образовании фразеологизмов связано с переосмыслением самого понятия цвета с его символическим содержанием. Отрываясь от реальных предметных связей, слова-цветообозначения становятся условными и отвлеченными, определяя самые разнообразные понятия.

Сопоставительное изучение фразеологических оборотов с компонентом цветообозначения показывает, что не только лингвистические факторы определяют роль

цветообозначений. Значение названий цвета зависит и от ряда экстралингвистических факторов: культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и сложной, но она всегда налицо. Преобладание одних и тех же наименований цветов в лексических и фразеологических единицах различных языков объясняется тем, что это главные, самые необходимые для общения цвета: “Если мы хотим понять друг друга, то для этого достаточно слов черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий как главных названий для наших ощущений”. Древность происхождения прилагательных-цветообозначений (таких, как белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, серый) также является причиной частого их употребления в лексике и фразеологии. Наиболее частотные слова обладают и наибольшей активностью. Активность – это способность слова к словопроизводству, словосложению, образованию фразеологизмов, полисемии. Все эти факторы объясняют широкое употребление цветообозначений: белый, черный, красный, зеленый, синий, желтый в составе фразеологических единиц английского, русского и татарского языков.

Переосмысление является одним из способов познания действительности в сознании человека и связано с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей отраженных объектов на основе установления связей между ними. Техника переосмысления заключается в том, что старая форма используется для вторичного или третичного наименования путем переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов ФЕ или фразеологических вариантов соответственно на денотаты ФЕ или фразеосемантических вариантов.

Важнейшими типами переосмысления являются метафора и метонимия. Метафора – это перенос наименования с одного денотата на другой, ассоциируемый с ним, на основе реального и воображаемого сходства [Лингвистический энциклопедический словарь, 1980]. Механизм метонимических переосмыслений представляет собой перенос наименований явлений, предметов и их признаков по их смежности или по их связи в пространстве и времени [Арутюнова, 1990:30]. Метонимия обращает внимание на индивидуальную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других присутствующих с ним предметов (метафора обычно дает сущностную характеристику объекта). Уорфа следует считать родоначальником исследований, посвященных роли языковой метафоры в концептуализации действительности. Именно Уорф показал, что переносное значение слова может влиять на то, как функционирует в речи его исходное значение.

В современной лингвистике именно изучение метафорических значений в обыденном языке оказалось одним из тех направлений, которые наследуют “уорфианские” традиции. Исследования, проводившиеся Дж. Лакоффом, М. Джонсоном и их последователями начиная с 1980-х годов, показали, что языковые метафоры играют важную роль не только в поэтическом языке, они структурируют и наше обыденное восприятие и мышление. Однако современные версии уорфианства интерпретируют принцип лингвистической относительности прежде всего как гипотезу, нуждающуюся в эмпирической проверке. Применительно к изучению языковой метафоры это означает, что на первый план выдвигается сравнительное изучение принципов метафоризации в большом корпусе языков разных ареалов и различной генетической принадлежности с тем, чтобы выяснить, в какой степени метафоры в отдельно взятом языке являются воплощением культурных предпочтений отдельно взятого языкового сообщества, а в какой отражают универсальные биопсихологические свойства человека.

Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать

частью стандартного семантического инструментария языка.

С одной стороны, набор цветообозначений в языках мира не совпадает, т.е. непрерывный спектр разбивается каждым языком по-своему; с другой стороны, нейрофизиологические основы цветовосприятия универсальны и достаточно хорошо изучены. Жестко универалистский подход к этой проблеме восходит к ставшей уже классической работе Б. Берлина и П. Кея Базовые цветообозначения (Basic Color Terms, 1969), в которой было выделено 11 так называемых базовых цветов и показано, что системы цветообозначений в языках мира подчиняются единой иерархии: если в языке имеется всего два базовых названия цвета, то это черный и белый, если три – то это черный, белый и красный. Далее, по мере увеличения в языке числа слов, обозначающих базовые цвета, к списку добавляются зеленый и желтый, затем последовательно синий, коричневый и, наконец, группа из четырех цветов – фиолетовый, розовый, оранжевый и серый. В настоящее время в оборот исследований по цветообозначению вовлечено уже несколько сотен языков, в том числе языки Центральной Америки, Африки, Новой Гвинеи и т.д.

Рассмотрим ФЕ, содержащие в своей семантике элемент цветообозначения. В большинстве своем фразеологизмы английского языка являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Такие ФЕ связаны с обычаями и традициями английского народа или с реалиями и историческими фактами.

Blue stocking (презр.) – синий чулок (“собранием синих чулок” был назван адмиралом Босковеном один из литературных салонов середины 18 века в Лондоне; причиной тому послужило появление известного ученого Бенджамина Спеллингфлита в этом салоне в синих чулках). Интересно, что сейчас так принято называть женщину, слывущую сухой педанткой, лишенной женственности.

A black sheep – “паршивая овца”, позор семьи (по старому поверью считалось, что черная овца отмечена печатью дьявола). Фразеологизм является частью пословицы There is a black sheep in every flock, что в русском языке звучит как “В семье не без урода”.

a) the thin red line – небольшая группа отважных людей, защищающих местность или принципы, не уступающие своих позиций. Этот фразеологизм был впервые использован в 1877 году В. Расселом. Имелись в виду британские войска в период крымской войны, носившие красную униформу.

Библия является важнейшим литературным источником фразеологических единиц. “О колоссальном влиянии, которое оказали на английский язык переводы Библии, говорилось и писалось много; в течение столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Англии книгой. Не только отдельные слова, но и целые идиоматические выражения (часто буквальные переводы древнееврейских и греческих идиомов) вошли в английский язык со страниц Библии. Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелегкой задачей” [Смит 1959].

Библейские ФЕ являются полностью ассимилированными заимствованиями. Фразеологизмы библейского происхождения зачастую сильно расходятся с их библейскими прототипами. Этот сложный и не изученный вопрос требует особо тщательного рассмотрения и выходит за рамки данной работы.

“По числу фразеологизмов, обогативших английский язык, произведения Шекспира занимают второе место после Библии. Число их свыше 100” [Кунин 1996: 217]. Такие ФЕ называются шекспиризмами, и, так как большее их число встречается в произведениях драматурга лишь однажды, форма их четко фиксирована. Пример одного из самых известных ФЕ взят из трагедии “Отелло”: the green-eyed monster (книжн.) – “чудовище с зелеными глазами”, ревность.

Кроме Шекспира многие другие гениальные писатели обогатили английский язык и, в частности, его фразеологию. Среди них Джеффри Чосер, Джон Мильтон, Джонатан Свифт, Чарльз Диккенс, Вальтер Скотт и другие. Так, следующий фразеологизм впервые встречается в романе В. Скотта “Айвенго”: Catch/ take smb red-handed – застать кого-либо на

месте преступления, захватить с поличным.

На основе полученной выборки фразеологизмов можно сделать вывод, что в их состав в основном входят термины-цветообозначения более древнего происхождения, то есть наименования для тех цветов, которые составляют группу из 11 базовых оттенков спектра.

Цветовое восприятие мира нашло свое отражение в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологических единиц непосредственно связано с формированием метафорических значений у цветоименований, а на появление метафорических значений прилагательных-цветообозначений решающее влияние оказала символика цвета.

Основополагающим свойством языка является возможность успешно передать нужный смысл, используя слово не в том значении, которое обычно связывается с ним в языке. Чаще всего это делается за счет эксплуатации сходства между тем, что обозначают слова в их стандартных смыслах, и тем, о чем хочет сказать говорящий. Метафора – один из главных механизмов, обуславливающих развитие и изменение языка. То, что возникает как метафора, способно, проникнув в общее употребление, стать частью стандартного семантического инструментария языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая, А. Понимание культур посредством ключевых слов / А. Вежбицкая. – М., 2001.
2. Манакин, В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. – К.: Знания, 2004.
3. Самарина, Л.В. Традиционная этическая культура и цвет (Основные направления и проблемы зарубежных исследований) //Этнографическое обозрение / Л.В. Самарина. – М., 1992. – № 2. – С. 147-156.

REFERENCES

1. Vezhbitskaya A. *Ponimaniye kul'tur posredstvom klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow. 2001 (In Russ.).
2. Manakin V.N. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. K. 2004 (In Russ.).
3. Samarina L.V. *Traditsionnaya eticheskaya kul'tura i tsvet (Osnovnyye napravleniya i problemy zarubezhnykh issledovaniy)* [Traditional ethnic culture and color (Main directions and problems of foreign research)]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. Moscow. 1992, no 2, pp. 147-156 (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 11.06.23

THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD. THE SIGNIFICANCE OF COLOR DESIGNATIONS IN ITS FORMATION

P.A. Aleksandrova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Volgograd State Pedagogical University
(400131, Russia, Volgograd, Lenin Ave., 27)
Email: alexpol@mail.ru

Abstract. *Colors play an extremely important role in the symbolism of peoples. The role of color meanings in the formation of the linguistic picture of the world is great. This article analyzes the role and significance of coloromorphs in various cultures.*

Keywords: *coloromorphs, culture, color perception, language.*

УДК 81

ТЕРМИНЫ ЦВЕТА КАК ИНСТРУМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР И ЯЗЫКОВ

В.В. Баранова, аспирант

Московский педагогический государственный университет,
(119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, строение 1)

Email: veraver@yandex.ru

***Аннотация.** Концепция лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы в современном языкознании приобретает все более конкретные черты. Актуальный смысл изучения терминов цвета заключается именно в их осознании как изначальных носителей и инструментов национальных культур и языков.*

***Ключевые слова:** лингвистика цвета, цветоименования, феномен цвета, лексема, семантическая значимость, лексическая синонимия.*

Становление цветовой знаковой системы повсеместно протекало неразрывно с основными течениями в письменной и художественной культуре. Таким образом, чрезвычайно велика роль цвета в жизни каждого человека и социума в целом. В быту и профессиональной деятельности человека цвета и их сочетания интенсивно используются как символы, заменяющие целые понятия, и образуют условные системы. Не меньшее значение цвет приобретает в традиционных культурах. В зависимости от исторического происхождения, географического положения определяется цветовое окружение, формирующее цветовые представления людей.

В современной науке существует множество подходов к изучению такого явления, как цвет. Проблемам цветового восприятия, цветовой номинации уделяется одно из главных мест.

В основе психолингвистических исследований язык рассматривается как феномен психической деятельности человека. Соответственно отношения между словами-цветоименованиями и их смыслами отражаются в сознании носителей языка. Центральными вопросами всегда остаются: как, каким образом феномен цвета отражается в языке, как структурирован мир языка, сформировавшегося с помощью цветообозначений, каким образом это отражается на уровне разных психических процессов, связанных с узнаванием цвета, запоминанием слов, ассоциированием и т.д.?

Данные, полученные А.П. Василевичем в процессе исследования лексики в психолингвистическом эксперименте на материале цветообозначений, привели исследователя к выводу, что категория цветоименований имеет универсальные черты, свойственные языку как продукту психической деятельности, и что языки обнаруживают разную степень приближения к универсальной категории – ближе всего к ней языки европейского лингвокультурного ареала. Обнаруженные различия обусловлены прежде всего культурно-историческими, а не лингвистическими факторами.

Исследователь Р.В. Алимпиева приходит к выводу, что семантическая значимость у различных лексем, в том числе у цветообозначений, имеет разную степень выявленности. В большей степени этим свойством обладают лексемы, занимающие в общем составе членов ЛСГ цветообозначений центральное, ключевое положение. Наблюдается тесная взаимоотношенность проблемы семантической значимости с проблемами лексической синонимии. При семантическом анализе структуры ЛСГ цветowych прилагательных красного

тона и близких к ней лексико-семантических групп в конкретных речевых контекстах каждый из членов группы по отношению к любому другому ее члену может вы-ступить в качестве его речевого синонима.

С давних времен цвет был тесно связан со многими ремеслами. Обширными были не только области применения цвета, но и научные его изыскания. Благодаря этому нам известно многое о цвете из физики и оптики, а также физиологии и теории восприятия. Не случайно, что при изучении цвета в лингвистике ученые обращаются к понятиям и терминам, заимствованным из других наук, опираются на сведения о феномене цвета, полученные из смежных дисциплин, а также данные об его источниках, распространении и значении в тех или иных областях культуры, искусства и промышленности, об особенностях использования цветовых характеристик разных объектов в различных сферах человеческого бытия.

Если рассматривать цвет с точки зрения физического подхода, то определение цвета в физике (согласно световой теории Ньютона) сводится к тому, что каждый цвет представляет собой световую волну, имеющую определенную длину. Таким образом, цвет – это световой поток, который при пересечении с поверхностью какого-либо объекта преломляется или разлагается на множество оттенков, составляющих цветовой спектр, каждый из которых отличается своей длиной волны.

Начало научной рефлексии относительно феномена цветового значения Нового времени можно отнести к трактату И.В. Гёте “О цвете” и к его тезису о “чувственно-нравственном действии цвета” [И.В. Гете, 1957:45]. Это утверждение противоречит мнению физиков о природе цвета. Если цвета наделены значениями, т.е. несут некое психологическое содержание, их изучение требует выхода за пределы строго механистического каузального подхода, сформулированного в классической физике.

Волновая теория происхождения цвета явилась основой для непрекращающихся споров о том, что первично: цвет или свет и существует ли цвет в природе вообще или это только отражательная способность поверхностей, окружающих человека объектов. Дж. Лакофф в своей работе “Женщины, огонь и опасные вещи”, например, придерживается той точки зрения, что цвета в объективном мире вообще нет. По его мнению, цвет – это субъективная категория, которой не существует в природе: “...было бы ошибочным утверждать, что присущие человеку категории объективно существуют “в мире”, внешнем по отношению к человеческим существам. Например, цветовые категории детерминированы одновременно и объективным материальным миром, и особенностями биологии человека, и человеческим мышлением, и культурными факторами”.

Физиологический (нейрофизиологический) подход уходит корнями в физический подход и тесно связан как с ним, так и с физиологией и нейрофизиологией человека – строением его мозга и зрительных органов. В рамках этого подхода цвет тоже понимается как световой поток, который в виде светового луча, пересекаясь с сетчаткой глаза и хрусталиком, работающим как призма, раскладывается на определенную цветовую гамму и фокусируется в разных зонах коры головного мозга. Считается, что в коре головного мозга есть четыре цветовых зоны, которые нейрофизиологически запрограммированы. Это зоны красного, желтого, зеленого и синего цветов, то есть любой человек с самого рождения способен воспринимать и различать эти цвета. Это объясняется тем, что “цветовое пространство, как перцептивное, так и семантическое, жестко детерминировано структурой сенсорного механизма, определяющего восприятие цвета четырьмя системами преддетекторов: красно-зеленого, сине-желтого, яркости и темноты”.

Важно также иметь в виду то, что цветовое зрение формируется в разных климатических условиях и при разном образе жизни. Поэтому даже древний человек понимал, что один и тот же объект при дневном и ночном освещении будет иметь разную цветовую окраску. Это отличие цветовосприятия обуславливается на уровне нейрофизиологии. При очень низкой освещенности человек может различить только крупные формы.

Цвет становится интересным предметом рассмотрения и в области философии. В своей работе “Человеческое познание” Б. Рассел рассматривает понятие минимального словаря, который должен структурно составлять более сложные образования, то есть все наше знание могло бы быть выражено с помощью слов, обозначающих простые элементы. Мы могли бы различать в мире так называемый материал и его структуру. Цветовые термины используются автором в качестве примера особого атрибута материи. Он рассматривает значение слова “красный”, определяя его как оттенок цвета, лежащий в определенной части спектра, как некий диапазон волн и как волны с определенными длинами. Прибегая к таким определениям цвета, Рассел указывает, что их точность иллюзорна, так как определение цвета через длину волны никак не связано с ощущением. Названия цветов употреблялись в течение многих тысячелетий до изобретения волновой теории света. Сам автор для четкого определения цвета предлагает ввести пространственно-временной аспект. Другими словами, различие в оттенках цветов, согласно его точке зрения, зависит от пространственно-временного положения цветового пятна в зрительном поле наблюдающего. По его мнению, не может быть двух идентичных оттенков цвета, так как один и тот же оттенок не может существовать в двух областях одного зрительного поля с равной степенью удаленности от его центра.

В психологии наиболее часто рассматривается символическая природа цвета, как это представлено при феноменологическом подходе. Во все времена ученые пытались разгадать проблему цвета. Последние научные исследования в этой области показали, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор – у каждого свой, именно поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, а воспринимать его совершенно по-разному. Это объясняет, почему существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах: например, green (зеленый) в США ассоциируется с понятием безопасности, а во Франции – преступления, во многих германских языках данный цвет имеет значение “веселье”, как это доказано в специальных исследованиях. Следовательно, цветовой язык ментален по своей природе: за определенным цветом люди видят определенные смыслы. Отправным в психосемантике цвета является тезис о существовании у цветов естественных (натуральных) значений, природа которых представляется во многом загадочной, а источники находятся вне культурно-исторического поля.

В лингвистических исследованиях существуют различные подходы к определению цветообозначений. Можно выделить шесть основных направлений изучения цветообозначений: функциональный, исторический, лексико-семантический, грамматический, когнитивный и сопоставительный.

Функциональный подход. В настоящее время существуют многочисленные исследования, посвященные описанию функционирования цветообозначений в художественных текстах. Это связано с тем, что цветопись является одним из неотъемлемых элементов идиостиля писателя, поэта. Цветообозначения помогают авторам раскрывать идею произведения, создавать определенный эмоциональный настрой, рисовать образы героев. В рамках данного подхода цветообозначения могут рассматриваться как интенсификаторы выразительности и образительности речи и соотноситься с рядом тропов и стилистических фигур, являющихся актуализаторами прагматики высказывания.

Исторический подход предполагает исследование истории отдельных слов и групп слов, называющих цвет, изучение процесса формирования групп цветообозначений, а также их состава в тот или иной период развития языка. Кроме того, ученых стала интересовать проблема поиска семантического первоэлемента, позволяющего детально описать историю семантики цветочных слов. По нашему мнению, знать историю изучаемой группы слов, их происхождение необходимо, потому что такие знания являются основанием, на котором базируются современные теории концептуального изучения цветочных слов.

Лексико-семантический подход обращает внимание на современное состояние системы цветообозначений: рассматриваются процессы развития семантической структуры отдельных цветов, формирование дополнительных к основному образных, символических значений у цветообозначений, становление лексико-семантических групп цветковых слов. Это позволяет на основании общности значений распределить цветковые слова по группам, а также выявить цветообозначения, употребленные в художественной речи в прямом и переносном значении.

Грамматический подход предполагает рассмотрение морфологических и синтаксических особенностей цветообозначений. Знание морфологической, синтаксической специфики указанной группы слов позволит в некоторых случаях определить, в какой образной функции будет реализован колоратив.

Когнитивный подход тесно связан с семантическим и через него выводит исследователей в круг проблем ментальной осмысленности цвета.

Сопоставительный подход позволяет получить информацию о сходстве или различии цветковых спектров разных языков, о национально-специфических, лингвокультурных особенностях цветообозначений, о понятийных моделях видения мира, моделях интерпретации мира в отдельных языках. Обозначенный подход является продолжением когнитивного, и целесообразен в кругу сегодняшнего интереса к эффективному межкультурному сотрудничеству. Помимо уточнения семантики конкретных терминов цвета или построения систем цветообозначения в разных языках, цветоименования активным образом привлекались в качестве материала для работы в таких областях, как отработка методов выделения семантических полей, этимология и история языка, проблемы языка и мышления, проблемы детской речи.

Анализу отношений между компонентами посвящены исследования Р.М. Фрумкиной. На основе проведенных экспериментов была сделана попытка представить общую картину смысловых отношений между словами-цветообозначениями.

Языковое сознание народа, роль цвета в жизнедеятельности человека в этнокультурной системе русского языка исследуются Т.И. Вендиной.

Цветообозначения, выступая в качестве единиц языка, несут в себе культурную информацию, так как язык тесно связан с культурой, он «прорастает» в нее, выражает ее, является обязательной предпосылкой развития культуры в целом.

Так как предметом современной лингвокультурологии является изучение культурной семантики языковых знаков, которые формируются при взаимодействии двух разных кодов – языка и культу-ры, цветообозначения способны выполнять функцию языка культуры, выражаются в способности языка отображать культурно-национальную ментальность его носителей, культурно-ценностные ориентиры, а также их смену в ту или иную историческую эпоху.

Прилагательные цвета, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры наро-да, передают и фиксируют от поколения к поколению культурные установки, символы и стереотипы, эталоны.

Современная наука представляет проблему отражения объективного мира человеком и его взаи-модействия с ним в виде соотношения двух миров: концептуальной картины мира (ККМ) и языковой картины мира (ЯКМ).

Картина мира в работах ученых определяется как «система интуитивных представлений о реальности», «целостный глобальный образ мира», «совокупность предметного содержания, которым обладает человек».

Формами отражения объективного мира являются представления, знания, концепты. По опреде-лению Е.С. Кубряковой, концептуальная система или структура есть «тот ментальный уровень или та ментальная организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение».

Концепт как единица концептуальной картины мира – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины, отраженной в психике человека» «квант» знания, представляющий содержание опыта и знания, а также результатов всей человеческой деятельности и процессов постижения мира. В концептуальную картину мира включается культурная картина мира, последняя специфична и различается у разных народов и может быть определена как отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное.

Лингвоцветовая картина мира реализуется в форме цветообозначений в отдельных лексемах, словосочетаниях, идиоматических выражениях, она органично входит в лексическую систему языковой картины мира. По мнению В.Г. Кульпиной, «цвет... принимает участие в сложных процессах языковой концептуализации мира, но не сводится к простой субстанции и ее простому физиологическому отражению».

Таким образом, анализ теоретического материала по проблеме цветообозначений показал, что лингвистика цвета как самостоятельная научная дисциплина имеет собственную прочную теоретическую и методологическую базу. Согласимся с мнением В.Г. Кульпиной в том, что «концепция лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы в современном языкознании приобретает все более конкретные черты».

Прилагательные цвета представляют собой лингвокультурологические феномены, обладающие большим количеством смыслов в результате расширения ассоциативного мира человека и увеличения сферы контекстуальных связей. Перспективность использования метода лингвокультурологической интерпретации в лингвистических исследованиях неоспорима, при помощи этого метода можно достаточно объективно восстановить те смысловые трансформации, которые отражали соответствующую той или иной эпохе наивную картину мира, а также реконструировать ментальные установки, мировоззренческую систему в целом.

В русской культуре эти цвета являются наиболее значимыми в исторически сложившихся воззрениях народа, особенно в народно-поэтической традиции. Как компонент культуры цвет обрастает сложной и разнообразной системой ассоциаций, смыслов, толкований, становится воплощением культурных ценностей. Цветовая среда, цветовое осмысление мира каждой эпохи соотносятся с «цветокультурными» установками.

Анализ фактического материала показал, что у цветковых прилагательных появились новые коннотации, противоположные устоявшимся, закрепленным в традиции. У прилагательного красный – «опасный», «плохой», «дурной» в отражении явлений преступности, нарушений; прилагательное черный с коннотациями «официальный», «таинственный» выражает ценностно-значимые для носителей языка явления, реалии.

В лингвистике изучены лексический состав и семантика цветообозначений, степень их символизации в языке, их стилистические функции, проведены исследования на основе сравнительно-исторического анализа цветообозначений, рассмотрены этнолингвистические, лингвокультурологические особенности цветообозначающей лексики, исследуется цветосимволика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Василевич, А.П. Исследования лексики в психолингвистическом аспекте: на материале цветообозначений в языках разных систем / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1987.
2. Рассел, Б. Человеческое познание: его сфера и границы. / (Пер. с англ. Н.В. Воробьева). – М.: ТЕРРА – Кн. клуб: Республика, 2000.
3. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

REFERENCES

1. Vasilevich A.P. *Issledovaniya leksiki v psikholingvisticheskom aspekte: na materiale tsvetooboznacheniy v yazykakh raznykh sistem* Otv. red. V.N. Teliya [Studies of vocabulary in the psycholinguistic aspect: on the material of color meanings in languages of different systems. Ed. by V.N. Teliya]. Moscow. Nauka. 1987 (In Russ.).
2. Рассел Б. *Chelovecheskoye poznaniye: yego sfera i granitsy.* / (Per. s angl. N.V. Vorob'yeva) [Human cognition: its scope and boundaries. / (Translated from the English by N.V. Vorobyov)]. Moscow. 2000 (In Russ.).
3. Сепир Е. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow. 1993 (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 10.07.23

COLOR TERMS AS INSTRUMENTS OF NATIONAL CULTURES AND LANGUAGES

V.V. Baranova, Postgraduate
Moscow Pedagogical State University,
(119991, Russia, Moscow, st. Malaya Pirogovskaya, 1, build. 1)
Email: veraver@yandex.ru

Abstract. *The concept of color linguistics as an independent scientific paradigm in modern linguistics is acquiring more and more specific features. The actual meaning of studying the terms of color lies precisely in their awareness as the original carriers and instruments of national cultures and languages.*

Keywords: *linguistics of color, color naming, color phenomenon, lexeme, semantic significance, lexical synonymy.*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

Международный научный журнал

№ 4 (46), июль / 2023

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ИП Ростова И.А.

Адрес типографии:

Россия, 400121, г. Волгоград, ул. Академика Павлова, 12

Учредитель (Издатель): ООО «Научное обозрение»

Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

ISSN 2414-4452

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Мелихова Наталья Васильевна

Редакционная коллегия:

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Ансимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук

Бобокалонов Рамазон Раджабович, доктор филологических наук

Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук, профессор

Якубов Жамалиддин Абдувалиевич, доктор филологических наук

Зиямухамедов Жасур Ташпулатович, доктор филологических наук

Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

Редакционный совет:

Новоградец Марина Яйич, доктор филологических наук

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна, кандидат филологических наук

Саидов Якуб Сиддинович, доктор филологических наук

Артамонова Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 24.07.2023 г. Дата выхода в свет: 14.08.2023 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Заказ № 40. Свободная цена. Тираж 100.